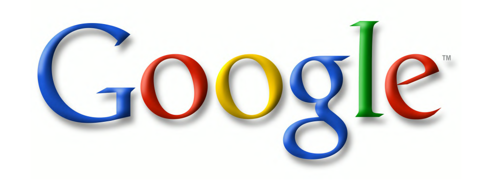
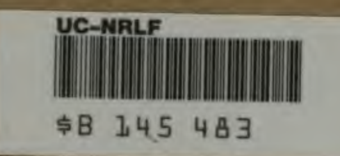

UC-NRLF
$B 145 483

M. Vatson

БИБЛІОТЕКА ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. No. 6

Vittorio Alfieri

ВИТТОРІО АЛЬФІЕРИ.

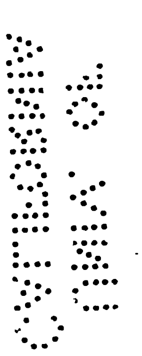
КРИТИКО БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Ватсонъ.

Съ портретомъ Витторіо Альфіери.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1908.

. . . a Alfieri.

БИБЛІОТЕКА ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 6.

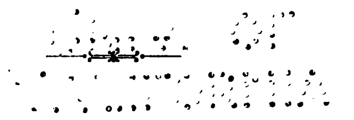
ВИТТОРІО АЛЬФІЕРИ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Ватсонъ.

Съ портретомъ Витторіо Альфіери.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1908.

ВИТТОРІО АЛЬФІЕРИ.

I.

Дыханіе свободы, которое зажгло за Альпами колоссальный пожаръ французской революціи, мало-по-малу, особенно во второй половинѣ XVIII вѣка, стало вызывать и въ Италіи неопредѣленныя надежды и стремленія, и болѣе выдающіеся умы принялись мечтать о лучшихъ судьбахъ и для Италіи. Прежде всего проснулась въ странѣ отъ долгаго сна философія и исторія, а также политическая экономія; и юридическія науки— голосъ Чезаре Беккарія тогда уже раздался— стали волновать общественное мнѣніе, подготовили умы къ воспріятію сатиръ Парини и сдѣлали возможнымъ появленіе Альфіери. Съ Метастазіо кончается старая итальянская школа, и съ 1782 г., съ появленіемъ Гольдони, Парини и Альфіери, начинается новая итальянская литература.

*

Въ 1751 и 52 гг. Гольдони былъ въ апогеѣ своей славы, а Парини написалъ уже знаменитое свое «Giorno» въ 1763 г. Около этого времени начинаетъ писать и Альфіери, поставивъ себѣ цѣлью возрожденіе отечества. Гольдони изображалъ въ комедіяхъ окружающую его дѣйствительность — въ этомъ его заслуга. Парини бичевалъ въ своихъ сатирахъ распущенность и безнравственность аристократическаго общества,—и только одинъ Альфіери сознавалъ, что его отечество угнетаютъ, одинъ онъ стремился и страстно жаждалъ избавить Италію отъ этого гнета. Конечно, не Альфіери первый заговорилъ о свободѣ и объединеніи родины, но онъ необычайно пылко воспринялъ надежды и стремленія своихъ предшественниковъ и современниковъ, онъ оживилъ и усилилъ ихъ собственнымъ энтузіазмомъ. Другіе плакались и стонали, а Альфіери увлекалъ силой вулканическаго своего чувства. Суровая, гнѣвная муза его не учила терпѣливо сносить гнетъ, она не учила подчиняться и страдать, она требовала борьбы, требовала мести и сверженія иноземнаго ига.

Даже женщины, выведенныя Альфіери въ его трагедіяхъ—и тѣ тоже борются за свободу и независимость отечества. Истинное величіе Альфіери именно въ томъ громадномъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на слѣдующія поколѣнія, въ пылкомъ энтузіазмѣ, возбужденномъ имъ въ такихъ литературныхъ дѣятеляхъ, какъ Парини, Уго Фосколо, Манцони, Мадзини, Прати, Леопарди, Кардуччи, Байронъ, Платенъ и другіе. Такъ, напримѣръ, извѣстный политическій дѣятель и писатель графъ Д'Азельо говоритъ, что Альфіери «первый открылъ Италію, и ему она обязана первымъ дыханіемъ своей національной жизни». Пѣвецъ «Sepolcri», Уго Фосколо, говоря о Санта-Кроче, особенно любовно вспоминаетъ объ Альфіери, который «на пустынныхъ берегахъ Арно, даже и въ могилѣ, съ блѣдностью смерти на лицѣ и съ надеждою во взорахъ, чувствуетъ трепетъ свободы». Кардуччи превозноситъ Альфіери, называетъ его пророкомъ и «Padre» новой Италіи, говоритъ, что онъ возродилъ поэзію и создалъ итальянскую революцію. Леопарди обращается къ Альфіери съ слѣдующими строками:

«Disdegnando e fremendo, immacolata
Trasse la vita intera,
E morte lo scampo del veder peggio.
Vittorio mio, questo per te non era
Etá, ne suol».

(Возмущаясь и негодуя, прожилъ ты всю безпорочную свою жизнь, и смерть избавила тебя отъ худшихъ временъ, чѣмъ твои. Витторіо мой, твой вѣкъ и твоя страна—не были достойны тебя»).

Итальянскій писатель Джоберти говоритъ о Витторіо Альфіери, что онъ первый «ткетъ національное единство среди разлада и сумрака отдѣльныхъ маленькихъ итальянскихъ государствъ, династическихъ интригъ и чужеземной алчности, скрывавшей Италію отъ взоровъ всего свѣта». Дѣйствительно, Альфіери первый стряхнулъ съ себя въ Піемонтѣ ярмо придворной жизни, сбросилъ оковы вкоренившихся привычекъ, семейныхъ узъ и міровоззрѣнія далекой эпохи. Независимый духъ его требовалъ болѣе широкихъ горизонтовъ. И вотъ, изъ Туринской военной академіи XVIII вѣка, этого столь хорошо охраняемаго всевозможными мѣрами разсадника милитаризма и партику-

ляризма, вышелъ итальянскій патріотъ, разбудившій отъ сна своихъ соотечественниковъ. Трагедіи Альфіери и въ чтеніи и со сцены пробуждали страсть. Сюжеты свои Альфіери бралъ изъ древняго міра, изъ міра грековъ и римлянъ; иногда онъ бралъ библейскихъ героевъ и рѣдко писалъ что-либо изъ современной жизни.

Но онъ умѣлъ этими своими произведеніями пробуждать дремлющую энергію въ своихъ соотечественникахъ,—разжигать забытый энтузіазмъ, воспламенять политическія и патріотическія чувства, и всѣмъ этимъ ускорилъ пробужденіе національнаго сознанія.

«Vita» Альфіери,—его автобіографія, дополняющая его литературныя произведенія,—заслуживаетъ большого вниманія. Съ гордостью, съ почти дикой силой изобразилъ онъ здѣсь собственную свою фигуру и создалъ самого себя въ мірѣ искусства, представъ на судъ потомства такимъ, какимъ онъ желалъ, чтобы его знали. Мы видимъ здѣсь человѣка, который самъ себя изслѣдуетъ, самъ строго судитъ себя, вполнѣ сознавая и свои недостатки и качества свои,

и который ясно оцѣниваетъ всю бездну между настоящимъ своимъ существованіемъ и тѣмъ идеальнымъ совершенствомъ, которое носится передъ его умственными очами. Въ себѣ самомъ Альфіери постоянно видѣлъ и чувствовалъ карлика рядомъ съ гигантомъ, Терсита рядомъ съ Ахиллесомъ, и онъ неутомимо старался уничтожить одного и возвысить другого.

Въ автобіографіи Альфіери рисуетъ намъ сперва свое дѣтство — эпоху «прозябанія», какъ онъ ее называетъ, хотя и въ эти ранніе годы уже ясно проглядываютъ нѣкоторыя черты страстнаго его темперамента. Далѣе идетъ разсказъ о юности, заключающей въ себѣ періодъ,—по словамъ Альфіери,—ineducazione (невоспитанія), и nonstudi (не ученія) въ военной академіи въ Туринѣ, въ «смѣнѣ пустыхъ забавъ и мелкихъ страстей».Затѣмъ слѣдуетъ повѣсть лѣтъ, проведенныхъ въ путешествіяхъ и безцѣльномъ времяпрепровожденіи. Но вскорѣ будущій писатель чувствуетъ позоръ оковъ, которыя онъ носитъ, чувствуетъ всю тщету и скуку такой безполезной жизни. Онъ безповоротно рѣшаетъ бросить все это и все-

цѣло отдать себя литературѣ, взглядъ на которую у Альфіери очень возвышенный,— онъ считаетъ ее источникомъ всякой великой и благотворной дѣятельности. Въ 27 лѣтъ заканчивается эпоха его юности и начинается сознательная зрѣлость. Страстный культъ свободы становится теперь цѣлью его жизни. Каждое дѣйствіе, каждый поступокъ, каждая страница его произведеній свидѣтельствуютъ объ этомъ и даютъ ясное въ томъ доказательство.

II.

Альфіери родился 16 января 1749 г. въ богатой и знатной семьѣ. Отецъ Витторіо— графъ Антоніо Альфіери—былъ, по словамъ его сына, человѣкъ добрый, уравновѣшенный, высоко-нравственный, хорошій семьянинъ. Онъ никогда не занималъ никакой должности и не имѣлъ даже и проблесковъ тщеславія и честолюбія. Женился онъ въ пожилыхъ годахъ на еще очень молодой женщинѣ, хотя уже вдовѣ нѣкоего маркиза Качерана.

Первымъ ихъ ребенкомъ была дочь Джулія, а черезъ два года послѣ того родился

и сынъ Витторіо. Отецъ страстно любилъ малютку, но заболѣлъ и умеръ, въ 1749 г. когда сынъ его еще былъ у кормилицы.

Говорятъ, великіе люди получаютъ умственное наслѣдство скорѣе со стороны матери, чѣмъ со стороны отца.

Мать Альфіери — Моника-ди-Турнонъ, — была между тѣмъ женщина самаго обыденнаго ума, мягкая, скорѣе склонная въ покорности, не отличавшаяся ни силой воли, ни страстностью и, повидимому, неспособная читать въ мятежной и бурной душѣ необычайнаго сына, котораго ей дала судьба. Послѣ смерти второго своего мужа, отца Витторіо, она вышла въ третій разъ замужъ за молодого его родственника, кавалера Джацинто Альфіери, съ которымъ была очень счастлива и прожила съ нимъ долгіе годы.

Итакъ, мы видимъ, что нельзя объяснить наслѣдственностью ни со стороны отца, ни со стороны матери выдающіяся черты темперамента Альфіери—его необычайную страстность, упорную силу воли, бурность чувства, строгость взглядовъ, энергію и огонь его души, и пренебреженіе всякой

мѣры, особенно въ ненависти. Онъ самъ гдѣ-то говоритъ, что не желалъ бы принадлежать къ числу тѣхъ людей, которые ни въ добрѣ, ни въ злѣ не могутъ перейти границъ.

Дѣтство Альфіери протекло невеселое и нерадостное.—«Я грустенъ, грусть въ моей природѣ», — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ. Меланхолическое настроеніе его въ дѣтствѣ, быть можетъ, было вызвано довольно хрупкимъ его здоровьемъ. Это его настроеніе еще увеличилось отъ уединеннаго и монотоннаго образа жизни въ домѣ, ставшемъ для него пустымъ послѣ того, какъ 9-тилѣтнюю его сестру, Джулію, отдали учиться въ монастырь. Въ то время будущему писателю было около 7-ми лѣтъ, и разлука съ сестрой была первымъ его горемъ. Онъ пролилъ тогда, какъ говоритъ, не мало горючихъ слезъ.

Читать, писать и немного латыни научилъ маленькаго Альфіери первый его учитель, священникъ донъ Ивальди. Но такъ какъ самъ преподаватель былъ великій неучъ, то перенять у него большаго не могъ и его ученикъ, чему, впрочемъ, вполнѣ сочувство-

вали и родители мальчика, которые часто повторяли обычное изреченіе тогдашнихъ Пьемонтскихъ дворянъ: «Un signore non ha bisogno di diventar dottore» (дворянину не зачѣмъ дѣлаться ученымъ).

Вскорѣ опекунъ мальчика, его дядя, пріѣхавъ въ Асти и увидавъ, что при такой системѣ воспитанія Витторіо не многому научится,—рѣшилъ отдать его въ военную академію въ Туринѣ. Горе разлуки съ матерью смягчилось въ душѣ ребенка его сильнымъ желаніемъ путешествовать и увидѣть новый городъ. Такимъ образомъ девяти съ половиною лѣтъ Витторіо очутился вдали отъ родительскаго дома, въ незнакомой средѣ и обстановкѣ.

Военное учебное заведеніе въ Туринѣ было раздѣлено на комнаты трехъ разрядовъ—перваго, второго и третьяго. Въ комнатахъ перваго разряда было много учениковъ иностранцевъ, даже не знавшихъ итальянскаго языка. Это были все сыновья богатыхъ родителей—большею частью англичане, нѣмцы и русскіе. Для нихъ академія была скорѣе нѣчто вродѣ гостиницы, а не воспитательнымъ учрежденіемъ, такъ какъ

для обитателей комнатъ перваго разряда не существовало никакихъ обязательныхъ правилъ, кромѣ одного: возвращаться домой до полуночи. Ученики ходили въ театръ, бывали при дворѣ, въ хорошемъ или дурномъ обществѣ, какъ имъ вздумается. Маленькаго Альфіери дядя помѣстилъ въ комнатахъ третьяго разряда, что постоянно мучило и раздражало мальчика.

Описывая первые годы педантичнаго и плохого преподаванія въ академіи, Альфіери говоритъ, что онъ все-таки занимался, такъ какъ самолюбіе побуждало его не отставать, а итти впереди товарищей. Онъ и здѣсь выказалъ рвеніе, которое такъ усиленно приложилъ впослѣдствіи въ дѣлѣ своего самообразованія. «Первое побужденіе начать писать, также, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, коренится всегда во врожденномъ намъ всѣмъ желаніи отличиться», говоритъ Альфіери въ своей «Vita». О друзьяхъ дѣтства и юности Альфіери не упоминаетъ вовсе. Мать свою онъ горячо любилъ, несмотря на то, что онъ не долго жилъ вмѣстѣ съ нею.

Въ академіи Альфіери пробылъ восемь

лѣтъ (съ 1758 по 1766). Дурная система ученія и преподаванія угнетала молодые умы не только тамъ, но и во всѣхъ остальныхъ пьемонтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Смерть дяди-опекуна въ 1763 г. принесла 14-тилѣтнему мальчику большое наслѣдство и полную свободу, такъ какъ по тогдашнимъ пьемонтскимъ законамъ уже въ этомъ возрастѣ снималась всякая опека, и назначался лишь попечитель, который слѣдилъ за тѣмъ, чтобы юноша не растратилъ всего капитала и имущества, а доходами съ него онъ могъ располагать по своему желанію.

По смерти дяди, Альфіери тотчасъ же поспѣшилъ перейти въ комнаты перваго разряда. Учились здѣсь совсѣмъ мало, но зато прекрасный столъ, долгій сонъ, ежедневныя прогулки верхомъ быстро поправили нѣсколько расшатанное здоровье юноши. Получивъ богатое наслѣдство и свободу, Альфіери скоро нашелъ друзей и льстецовъ, «все то,— говоритъ онъ,—что приходитъ съ деньгами и уходитъ вмѣстѣ съ ними».—«Во весь карьеръ несся я тогда по дорогѣ мотовства и порока», увѣряетъ онъ насъ. Но вѣчные пиры, гулянья и праздная жизнь

быстро пріѣлись ему. Онъ сталъ стыдиться своего невѣжества и чувствовалъ склонность учиться. Не его была вина, если этого не удалось ему дѣлать въ академіи, а вина плохихъ учителей, весьма скверной методы преподаванія и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ академіи онъ овладѣлъ лишь знаніемъ французскаго языка и незначительной дозой латыни. Но въ послѣднее время своего пребыванія тамъ онъ очень много читалъ, хотя почти исключительно лишь французскіе романы.

Впрочемъ, не въ томъ дѣло, что онъ читалъ, важнѣе всего та «жадность и страсть», съ которой онъ читалъ, и необычайное восхищеніе и интересъ, вызванные въ немъ нѣкоторыми книгами, такъ какъ все это— первые признаки пробуждающагося литературнаго призванія въ Альфіери.

Несомнѣнно, что при другомъ воспитаніи и въ другой средѣ итальянскій писатель гораздо раньше, чѣмъ это случилось въ его жизни, обратился бы къ литературѣ и сталъ бы искать въ ней цѣль и удовлетвореніе своего существованія.

Въ маѣ 1766 г. Альфіери кончилъ академію и осенью того же года поступилъ подпрапорщикомъ въ полкъ, стоявшій въ Асти. Но военный пылъ его быстро погасъ и военная жизнь стала ему ненавистной. «Никоимъ образомъ,—пишетъ онъ,—не могъ я подчиниться тѣмъ оковамъ, которыя называютъ субординаціей». Военная дисциплина не пришлась по вкусу мятежному, непокорному темпераменту Альфіери и его независимому духу. Сильно разгорѣлось въ немъ желаніе отправиться путешествовать. Неспокойный характеръ побуждалъ его постоянно мѣнять мѣстность, видѣть разныя и далекія страны. Онъ добылъ себѣ, наконецъ, разрѣшеніе путешествовать по Италіи, но въ обществѣ гувернера-англичанина, потому что въ то время ему было всего 17 лѣтъ. Потребовалось немало упорства и энергіи съ его стороны, чтобы добиться позволенія короля уѣхать изъ Пьемонта, такъ какъ въ тѣ времена король входилъ во всѣ мелочи жизни Пьемонтскихъ дворянъ и не одобрялъ ихъ путешествій внѣ предѣловъ Пьемонта.

Періодъ путешествій Альфіери охватываетъ около десяти лѣтъ. Сначала онъ объ-

ѣхалъ Италію, побывалъ во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, Веронѣ, Миланѣ, Генуѣ. И въ то же время не зналъ и не стремился знать итальянскую литературу. Онъ не читалъ еще ни Данте, ни Петрарку, ни другихъ итальянскихъ классиковъ. А если ему случалось брать въ руки ихъ произведенія, то онъ тотчасъ же ихъ бросалъ, ничего не понимая въ нихъ и скучая. Подгоняемый бездѣліемъ и скукой, онъ быстро переѣзжалъ изъ города въ городъ. Объѣхавъ Италію, онъ отправился во Францію, куда главнымъ образомъ его привлекало желаніе посѣщать театры.

Два года передъ тѣмъ ему очень понравились въ Туринѣ французскія пьесы, которыя давались тамъ заѣзжей труппой французскихъ актеровъ. «Однако,—говоритъ Альфіери,—и тогда въ Туринѣ, и позднѣе во Франціи, когда я посѣщалъ театръ, мнѣ ни минуты не приходило въ голову, что я хотѣлъ или могъ бы писать произведенія для театра. Я слушалъ ихъ внимательно, но безъ малѣйшаго стремленія создать что-либо подобное».

По дорогѣ въ Парижъ, куда Альфіери

страстно стремился, онъ остановился въ Марселѣ, гдѣ рѣшилъ пробыть мѣсяцъ, такъ какъ ему понравился веселый, улыбающійся видъ города, его чистыя, прямыя улицы, красивый портъ и милыя, привѣтливыя лица дѣвушекъ. Здѣсь онъ усердно посѣщалъ театры, а по вечерамъ купался въ морѣ. «Но и Марсель скоро прискучилъ мнѣ» — пишетъ Альфіери въ своей «Vita»—«такъ какъ праздным людямъ все скоро прискучиваетъ. Подстрекаемый неистовымъ желаніемъ увидѣть Парижъ, я уѣхалъ около 10-го августа, и скорѣе точно бѣглецъ, а не путешественникъ, ѣхалъ день и ночь, остановившись только лишь въ Ліонѣ. Ни Эксъ, съ его веселыми, очаровательными прогулками, ни Авиньонъ, гдѣ уже стоялъ папскій престолъ и находилась гробница знаменитой Лауры, не Воклюзъ, гдѣ такъ долго жилъ нашъ божественный Петрарка, — не могли отвлечь меня отъ желанія летѣть, какъ стрѣла, прямо въ Парижъ. Утомленіе принудило меня остановиться въ Ліонѣ и провести тамъ день и двѣ ночи; и съ той же неистовой поспѣшностью проѣхавъ Бургундію, меньше чѣмъ черезъ три дня я очу-

тился въ Парижѣ. Не помню хорошенько числа, но было это между 15 и 20 августа. Утро стояло туманное, холодное, дождливое. Никогда въ жизни не случалось мнѣ видѣть такого густого тумана, особенно въ августѣ мѣсяцѣ. Въѣхалъ я въ Парижъ черезъ бѣднѣйшее предмѣстье Сенъ-Марсель и подвигался дальше по грязнымъ и зловоннымъ улицамъ до фобурга Сенъ-Жермена, гдѣ находилась гостинница, въ которой я намѣревался остановиться. У меня такъ сильно сжималось сердце, что я не помню, чтобы я потомъ когда-либо въ жизни испытывалъ столь тяжелое впечатлѣніе по столь незначительной причинѣ. Такъ безумно торопиться, такъ страстно желать, разрисовывать себѣ воспаленной фантазіей столько радужныхъ иллюзій, и все для того, чтобы очутиться въ столь зловонной клоакѣ!

Войдя въ гостинницу, я уже былъ такъ сильно разочарованъ, что, еслибъ не крайняя усталость и тотъ стыдъ, который я боялся испытать впослѣдствіи, я тотчасъ же уѣхалъ бы изъ Парижа.

Когда я затѣмъ осмотрѣлъ весь городъ, то еще больше укрѣпился въ своемъ разо-

чарованіи, особенно потому, что погода продолжала съ неимовѣрнымъ упорствомъ быть до-нельзя отвратительной и въ теченіе слишкомъ двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Парижѣ, я ни разу не видѣлъ солнца. А на мои сужденія, гораздо болѣе поэтичныя, чѣмъ философскія, всегда очень сильно вліяло состояніе атмосферы.

Это первое впечатлѣніе Парижа такъ врѣзалось въ моемъ умѣ, что даже и теперь (т.-е. 23 года спустя) оно не изгладилось у меня изъ памяти».

Несмотря на столь суровый отзывъ Альфіера о Парижѣ, онъ пять разъ побывалъ въ немъ и однажды прожилъ тамъ цѣлыхъ три съ половиной года. Правда, уже съ дѣтства Альфіери не очень то долюбливалъ французовъ, наслышавшись всякихъ разсказовъ о ихъ хозяйничаньи въ Асти. Но онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми французами, въ томъ числѣ съ Фабромъ, съ которымъ дружилъ многіе годы. Ни съ кѣмъ, однако, не связывало его столь нѣжное чувство какъ съ Андре Шенье. Культъ классиковъ и свободы, любовь къ поэзіи, къ славѣ и вѣра въ благо-

творное вліяніе литературы,—черты общія обоимъ поэтамъ—сблизили ихъ. Видѣлись они съ конца 1786 до конца 87 года и снова въ 90 г. Шенье—этотъ пылкій юноша, ненавидѣвшій всякую тираннію, этотъ поклонникъ красоты и музъ, возвышенно честолюбивый и смѣлый,—не могъ не понравиться Альфіери.

Еще дороже сталъ онъ ему во время открытой его борьбы противъ тиранніи якобинцевъ, борьбы, за которую онъ расплатился жизнью. Между прочимъ Альфіери писалъ своему другу Шенье:

«Quel che averrà non so: ma triste sera
Giunger non puovvi omai, che vie men triste
Della notte non sia che in Francia v'era».

(Что ждетъ впереди, не знаю, но печальный закатъ не можетъ наступить теперь, такъ какъ нѣтъ мрачнѣе пути той ночи, что царила надъ Франціей).

Но вотъ насталъ великій день, когда:

«Oltre l'usato il sol sereno sorge
A rischiarare quelle beate spiagge,

E spettacol sublime
Agli occhi suoi si desiato porge.

(Солнце, сіяя ярче обыкновеннаго, встаетъ, чтобы пролить свой свѣтъ на счастливую эту мѣстность, и зрѣлище величественное и столь желанное представляется его взорамъ).

Но вотъ народъ разрушилъ гнусную и печальную твердыню королевской тираннiи— Бастилiю. Среди общаго повышеннаго настроенiя и Альфiери «прыгалъ отъ радости» на развалинахъ Бастилiи. Матери онъ пишетъ 22 ноября 89 г. «Я далекъ отъ мысли считать все до сихъ поръ сдѣланное благомъ, но это лишь преходящее зло, отъ котораго, быть можетъ, произойдетъ прочное добро». Въ своихъ стихахъ по поводу взятiя Бастилiи Альфiери пишетъ:

Deh! con qual gioia alla sconfitta rocca
Io volgo il piè...
A terra, a terra, o scellerate mole:
Infranta cade, arsa, spianata in polve.
A gara ogni uom l'assale,
A gara ogni uom spiccarne un sasso vuole.

(А, съ какой радостью къ осиленной крѣпости направляю я шаги. Долой, долой, о злодѣйская громада — пылай, сокрушенная, стертая въ пыль. На перерывъ другъ передъ другомъ каждый бросается на приступъ, на перерывъ другъ передъ другомъ каждый желаетъ, разнести ее камень за камнемъ).

Впрочемъ, послѣдующія событія во Франціи были вскорѣ причиной того, что Альфіери сталъ проклинать революцію съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ сначала привѣтствовалъ ее.

Послѣ перваго своего путешествія въ Парижъ, Альфіери поѣхалъ въ Лондонъ и писалъ оттуда: «Насколько мнѣ не понравился по первому впечатлѣнію Парижъ, настолько мнѣ понравилась Англія и въ особенности Лондонъ». Пруссія показалась поэту «продолженіемъ одной единой гауптвахты» и онъ добавляетъ:—«Я выѣхалъ изъ этой всеобщей прусской казармы, ненавидя ее какъ слѣдуетъ».

Очень понравилась Альфіери Швеція. «Въ своей дикой пустынности,—говоритъ онъ,—это одна изъ европейскихъ странъ,

которая пришлась мнѣ наиболѣе по душѣ и пробудила во мнѣ наиболѣе фантастическія, меланхолическія и величественныя мысли, благодаря нѣкоей пространной и необъяснимой тишинѣ, царствующей въ странѣ». Побывавъ и въ Финляндіи, Альфіери проѣхалъ оттуда въ Петербургъ, отзывъ о которомъ у поэта достаточно жестокъ. «Я читалъ,—пишетъ онъ,—исторію Петра Великаго у Вольтера, и въ Туринской Академіи у меня были и русскіе товарищи и я слышалъ не мало похвалъ этому нарождающемуся государству, благодаря чему, а также и моей фантазіи, всегда все преувеличивающей и тѣмъ подготовляющей мнѣ только лишь новыя разочарованія, я былъ охваченъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, какимъ то необычайнымъ трепетомъ ожиданія. Но, увы, едва я вступилъ ногой въ сей азіатскій лагерь, съ его выравненными бараками, я вспомнилъ Римъ, Геную, Венецію, Флоренцію и—разсмѣялся».

Итакъ, послѣ Парижа Альфіери побывалъ въ Англіи, въ Голландіи, Даніи, Швеціи, Германіи, Россіи, Испаніи и Португаліи, и хотя на первый взглядъ всѣ эти переѣзды

съ мѣста на мѣсто могли бы казаться и казались Альфіери лишь пустымъ и безплоднымъ времяпрепровожденіемъ, тѣмъ не менѣе путешествія значительно способствовали расширенію умственнаго его горизонта и дали новыя направленія его мысли. Хотя и незамѣтно для самого себя, но Альфіери несомнѣнно накопилъ за эти поѣздки нѣкоторый запасъ наблюденій. Во Франціи его привлекалъ театръ, въ Англіи онъ присматривался къ конституціи, въ Голландіи почувствовалъ желаніе и стремленіе къ литературѣ и сталъ питать надежду отличиться въ какой-либо литературной отрасли. Съ этого времени онъ уже не разстается съ Данте и Петраркой и возитъ эти двѣ книги всюду съ собой «съ хладныхъ береговъ Невы до туманныхъ береговъ Темзы». Въ Испаніи Альфіери съ помощью грамматики и словаря изучилъ испанскій языкъ. И когда онъ въ 1772 г. возвратился въ Туринъ, то, конечно, путемъ чтенія и наблюденій имѣлъ уже довольно значительный запасъ свѣдѣній.

Вернувшись въ Туринъ, Альфіери занялся здѣсь писаніемъ стиховъ. Первую же тра-

гедію онъ написалъ на 23 году, въ домѣ своей возлюбленной—г-жи Туринетти—когда, соскучившись у постели заболѣвшей этой синьоры, отъ которой не отходилъ во время ея болѣзни, онъ сразу набросалъ свою «Клеопатру». Мысль объ этой трагедіи зародилась у него,—говоритъ поэтъ,—вслѣдствіе того, что онъ мѣсяцы и годы видѣлъ въ салонѣ г-жи Туринетти нѣсколько прекрасныхъ ковровъ съ изображеніями разныхъ эпизодовъ изъ жизни Клеопатры и Антонія. Самъ Альфіери говоритъ, что онъ, лишь случайно и не имѣя никакого плана, написалъ эту свою «Клеопатру». Но за то поэтъ три раза передѣлывалъ ее—въ 73 и въ 74 г., и окончательно въ 75 г.

Наконецъ, первая трагедія Альфіери вмѣстѣ съ одноактной комедіей его «I Poeti», гдѣ онъ, подъ именемъ Zeusippo изображаетъ самаго себя,—была представлена 16 іюня 1775 г. въ театрѣ Кариньяно, въ Туринѣ. На слѣдующій день ее снова, и съ величайшимъ успѣхомъ, повторили. Съ этого дня Альфіери почувствовалъ такое «пылкое и неистовое желаніе когда нибудь добиться дѣйствительно заслуженныхъ имъ

сценическихъ пальмъ (Клеопатру онъ считалъ очень слабой пьесой), что никогда никакая любовная лихорадка не охватывала его такъ пламенно»,—говоритъ онъ. И Альфіери далъ себѣ самому торжественную клятву не убояться никакого труда и никакой скуки, а съ этого дня добиваться того, чтобы овладѣть въ совершенствѣ итальянскимъ языкомъ. Альфіери понялъ лучше другихъ что для успѣха, какъ писателя, въ Италіи надо основательно изучить классиковъ и побольше упражняться въ живомъ тосканскомъ языкѣ. Изъ итальянскихъ поэтовъ онъ особенно усвоилъ себѣ Данте и Петрарку и говорилъ о Петраркѣ, что еслибъ онъ захотѣлъ писать о своей кошкѣ, то увѣковѣчилъ бы и ее также какъ и Лауру. Изъ древнихъ писателей Альфіери считалъ Гомера источникомъ всякой позіи. Первыя свои произведенія Альфіери писалъ по французски, такъ какъ, подобно остальнымъ пьемонтскимъ дворянамъ, говорилъ на этомъ языкѣ,а свой собственный не такъ то хорошо зналъ. Къ тому же на его родинѣ, въ Пьемонтѣ, говорятъ по итальянски плохо, и тамъ въ ходу особый діалектъ. Колыбель

же чистаго итальянскаго языка, какъ извѣстно—Тоскана, особенно Флоренція и Римъ. Послѣ клятвы, данной имъ себѣ самому, Альфіери, какъ онъ выражается: «бросился въ водоворотъ грамматики, подобно Курцію, бросившемуся въ полномъ вооруженіи, смѣло и съ открытыми глазами, въ бездну». Съ этихъ поръ поэтъ твердо рѣшается писать и читать не иначе, какъ только по итальянски, рѣшается изгнать изъ своего дома всѣ французскія книги и держаться подальше отъ всякихъ французскихъ разговоровъ. Усидчиво принимается онъ за изученіе итальянскаго языка, а въ концѣ 76 г, рѣшаетъ взять себѣ учителя латыни. Въ «Vita» онъ пишетъ: «Къ концу 76 г., уже послѣ того, какъ я около шести и болѣе лѣтъ погрузился въ изученіе итальянскаго языка, я почувствовалъ жгучій стыдъ при мысли, что не знаю латыни. Итакъ, я взялъ себѣ превосходнаго учителя, который, давъ мнѣ латинскій учебникъ въ руки, по которому я учился, когда мнѣ было лѣтъ десять, убѣдился въ полномъ моемъ невѣжествѣ, но въ виду моей упорной рѣшимости овладѣть языкомъ, онъ сразу

вручилъ мнѣ Горація, говоря: «Идти отъ труднаго къ легкому болѣе вѣрная дорога и болѣе достойно васъ». Въ апрѣлѣ того же года Альфіери отправился въ Тоскану, чтобы «disfrancezzarsi» (разфранцузиться) и пріучиться говорить, слышать, думать и мечтать на чистомъ итальянскомъ языкѣ. Здѣсь, во Флоренціи, онъ заводитъ литературныя знакомства, изучаетъ языкъ, работаетъ надъ сюжетами для трагедій, вырабатывая въ своемъ умѣ собственный свой типъ трагедій и свой трагическій стиль, и споритъ съ тѣми, кто его не одобряетъ. Снова и снова углубляется онъ въ чтеніе итальянскихъ и латинскихъ классиковъ, переводитъ Саллюстія, пишетъ стихи, сонеты и продолжаетъ читать итальянскихъ поэтовъ, дѣлая отмѣтки на поляхъ. Такимъ способомъ въ промежуткѣ четырехъ лѣтъ онъ прочелъ пять разъ Петрарку и Данте.

Въ 1777 г. поэтъ, живя въ Тосканѣ для литературныхъ своихъ занятій, имѣлъ въ виду отказаться отъ подданства въ Пьемонтѣ. Къ такому шагу побуждали его главнымъ образомъ двѣ причины: во-первыхъ любовь, овладѣвшая имъ въ концѣ 1777 г. во Фло-

ренціи къ графинѣ Альбани. Онъ рѣшилъ не разставаться съ графиней и слѣдовать за нею всюду. Но безъ спеціальнаго разрѣшенія, онъ не могъ, въ качествѣ пьемонтскаго подданнаго, уѣзжать и жить, гдѣ ему заблагоразсудится, а подъ угрозой конфискаціи всего имущества долженъ былъ въ положенный срокъ возвратиться въ Туринъ. Только отдѣлавшись отъ своего имущества—путемъ продажи или дара—онъ получалъ полную личную свободу. Вторая причина—и Альфіери указываетъ на нее, какъ на главную,—заставившая его желать отказаться отъ своего имущества въ Пьемонтѣ, было опасеніе, что его конфискуютъ у него, если онъ будетъ писать независимо и свободно. По отъѣздѣ изъ Турина, у него сразу пробудилась литературная дѣятельность. Онъ написалъ нѣсколько новыхъ трагедій и въ числѣ нихъ двѣ самыя горячо либеральныя «Virginia» и «Congiura dei Pazzi», а также набросалъ первыя главы «Tirannide» и принялся за «Etruria vendicata» и «Principe».

Съ такимъ литературнымъ и философскимъ багажомъ нельзя было, конечно, спо-

койно ѣхать въ Пьемонтъ, нельзя было оставаться Пьемонтскимъ подданнымъ. Вступившій тогда на Сардинскій престолъ Витторіо Амедео III хотя и ввелъ нѣсколько реформъ, но оставилъ нетронутыми многія постановленія прежняго правительства, и между прочимъ запрещеніе подданнымъ Пьемонта печатать литературныя произведенія внѣ предѣловъ Пьемонта. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нѣкоему Ламиереди, Альфіери говоритъ: «Страсть, преобладающая во мнѣ —желаніе славы. И вотъ этому божеству принесъ я въ жертву все мое имущество, кровныхъ англійскихъ рысаковъ и тысячи другихъ удобствъ. Я промѣнялъ все это на самую драгоцѣнную привилегію въ жизни — имѣть возможность говорить, думать, писать и печатать свободно и возвращаться, куда и когда мнѣ вздумается».

Послѣ долгихъ переговоровъ Альфіери заручился наконецъ дозволеніемъ короля передать свое имущество въ даръ сестрѣ своей Джуліи, которую онъ въ дѣтствѣ очень любилъ и которая въ 1762 г. вышла замужъ за очень богатаго, но пожилого дворянина Джацинто ди Куміана. Альфіери

выговорилъ себѣ, взамѣнъ своего дара, лишь триста тысячъ лиръ единовременной выдачи, а затѣмъ замѣнилъ эту выдачу ежегодно выплачиваемой ему сестрой пожизненной рентой.

IV.

Переходя къ любви и женщинамъ въ жизни Альфіери, приходится отмѣтить, что онъ всегда влюблялся только въ чужихъ женъ, а не въ молодыхъ дѣвушекъ, и всю жизнь остался холостымъ, о чемъ нимало не сожалѣлъ, развѣ когда-нибудь подъ старость. Онъ ненавидѣлъ всякія узы, которыхъ нельзя было порвать.—«Для того, чтобы быть смѣлымъ и правдивымъ писателемъ, лучше не имѣть семьи», говорилъ Альфіери. Первую любовь онъ испыталъ 19-лѣтнимъ юношей въ Неаполѣ. Здѣсь онъ страстно увлекся молодой, привлекательной голландкой, только что годъ вышедшей замужъ. Но эта первая его любовь была несчастной, такъ какъ онъ не встрѣтилъ отвѣта на нее. Отъ охватившей его грусти и любовнаго отчаянія онъ исцѣлился, погрузившись въ ревностное изученіе философіи

и литературы. Онъ прочелъ тогда безъ передышки Вольтера, Руссо, Монтескьё, Гельвеціуса и «Жизнь великихъ людей» Плутарха. Эта послѣдняя книга привела его въ такой неистовый восторгъ, что, перечитывая ее нѣсколько разъ, онъ доходилъ до крика и слезъ, такъ что «если-бъ,—говоритъ онъ,—кто нибудь оказался въ сосѣдней со мной комнатѣ, то счелъ бы меня за сумасшедшаго».

Вторую страстную любовь итальянскій писатель пережилъ въ Лондонѣ. Здѣсь онъ влюбился въ леди Пенелопу, жену лорда Эдуарда Лигонье, и эта любовь увѣнчалась успѣхомъ. Однако мужъ леди Пенелопы узналъ о ночныхъ похожденіяхъ итальянскаго графа. Онъ отправилъ тогда невѣрную жену къ ея родителямъ и вызвалъ на дуэль соперника. Дуэль состоялась, но кончилась благополучно для той и другой стороны. Альфіери имѣлъ намѣреніе жениться на своей возлюбленной; однако во время бракоразводнаго процесса, затѣяннаго обманутымъ мужемъ, выяснилось, что Альфіери имѣлъ въ сердцѣ своей дамы предшественника—Джона Доэ, жокея лорда Лигонье

Это показалось Альфіери уже чрезмѣрнымъ, и бракъ его не состоялся.

Послѣ разыгравшейся съ нимъ въ Лондонѣ драмы, Альфіери поѣхалъ въ Португалію, и здѣсь онъ познакомился съ младшимъ братомъ тогдашняго испанскаго посланника въ Португаліи, аббатомъ Томазо Калузо. Онъ близко сошелся съ нимъ, и съ этого времени начинается у нихъ самая нѣжная и тѣсная дружба, окончившаяся только со смертью Альфіери. Послѣдній ставилъ аббата Калузо чрезвычайно высоко, говорилъ, что всегда учился у него чему-нибудь, и доброта и терпимость аббата были такъ велики, что облегчали ему бремя и стыдъ полнаго его невѣжества въ первые годы ихъ знакомства.

Дружба и общество этого «живого Монтеня», какъ его называлъ Альфіери, мало-по-малу излѣчили его сердечныя раны послѣ лондонской исторіи. Впрочемъ, онъ не очень то долго носилъ трауръ въ душѣ по своей любви къ леди Пенелопѣ, такъ какъ, вернувшись вскорѣ въ Туринъ, тотчасъ же написалъ здѣсь комическую повѣсть въ стихахъ, въ которой разсказываетъ все случив-

шееся съ нимъ въ Лондонѣ. Однако, живя въ Туринѣ среди развлеченій всякаго рода и праздности—Альфіери было тогда всего 24 года — онъ попалъ въ третій разъ въ любовныя сѣти. На этотъ разъ онъ увлекся маркизой Габріэлой де Виллафалетти, женой испанскаго гранда и венгерскаго магната Туринетти. Эта дама пользовалась репутаціей очень легкомысленной и легко доступной синьоры. Страсть Альфіери къ ней была бурная и длилась нѣсколько лѣтъ. Но хотя онъ потомъ и понялъ, какъ унизительна эта чисто чувственная связь, у него долго не оказывалось силы порвать ее. Длилась она до 1775 года; а тогда онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и нѣсколько разъ уѣзжалъ отъ своей дамы въ Тоскану и другія мѣста, но не выдерживалъ и все снова возвращался въ любовныя сѣти, которыя онъ столько разъ пытался порвать. Наконецъ, однажды вечеромъ, вернувшись изъ оперы, гдѣ онъ провелъ время въ обществѣ своей, какъ онъ выражается: «odiosamata» (ненавистно-любимой), онъ принялъ безповоротное рѣшеніе порвать съ ней навсегда, и для этого

придумалъ слѣдующій способъ: не двинувшись изъ своего дома, какъ разъ находившагося напротивъ дома г-жи Туринетти, смотрѣть на ея окна, видѣть ее проходящей по улицѣ, слышать, быть можетъ, ея голосъ, и тѣмъ не менѣе, твердо держаться принятаго рѣшенія, не склоняться ни на какія прямыя или косьвенныя обращенія съ ея стороны и не поддаваться собственнымъ своимъ порывамъ и воспоминаніямъ. Одновременно поэтъ обрѣзалъ длинные свои волосы, чтобы поставить себя въ невозможность выходить на улицу, такъ какъ въ тѣ времена, за исключеніемъ матросовъ и крестьянъ, считалось неприличнымъ, чтобы кто-либо былъ остриженъ. Изолировавъ себя такимъ образомъ въ своей квартирѣ, Альфіери, въ довершеніе всего, когда чувствовалъ припадокъ неистоваго желанія пойти къ г-жи Туринетти, давалъ приказаніе своему слугѣ Эліа привязывать себя къ стулу, а когда такой припадокъ проходилъ, онъ, уже увѣренный въ себѣ и укрѣпившись въ своемъ намѣреніи, приказывалъ развязать себя. Такимъ образомъ провелъ онъ первыя двѣ недѣли своего «страннаго

освобожденія», и продолжая это энергичное лѣченіе еще мѣсяцъ, совершенно избавился отъ недуга страсти къ г-жи Туринетти. Послѣдняя умерла въ 1783 г. сорока лѣтъ отъ роду, въ Туринѣ.

Въ эпоху этой своей страсти, Альфіери, какъ мы уже говорили, написалъ первую свою трагедію «Клеопатру«, и въ обликѣ героини вывелъ г жу Туринетти. Сюжетъ этой трагедіи—недостойная страсть Антонія къ Клеопатрѣ и унижающая и ослабляющая борьба его между разумомъ и страстью. Въ лицѣ Антонія Альфіери изобразилъ самого себя.

Что касается его любви къ графинѣ Альбани, то Альфіери называетъ эту свою любовь «достойной любовью», навсегда заполонившей его, любовью возвышенной, свѣтлой, которая съ теченіемъ времени не ослабѣвала, но усиливалась. Въ стихахъ и въ прозѣ онъ много разъ прославлялъ «достойную» свою любовь, которую однако новѣйшіе критики тоже пытались свергнуть съ пьедестала.

Луиза, принцесса Штольбергъ-Гедернъ, по мужу графиня Альбани, родилась въ

1752 г. и воспитывалась до 16-лѣтняго возраста въ монастырѣ. Рано лишилась она отца. Мать, которая ее не любила, была небогата, хотя очень знатнаго рода. Молодая принцесса вышла замужъ за уже пожилого претендента на англійскій престолъ, Чарлса Эдуарда Стюарта, графа Альбани, сына кавалера ди Санъ-Джорджіо и Маріи Собѣской. Чарлсъ-Эдуардъ уже съ 12-лѣтняго возраста участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, а 44-хъ лѣтъ сдѣлалъ попытку высадиться въ Шотландіи, и здѣсь, отъ побѣды къ побѣдѣ, добрался до разстоянія 130 миль отъ Лондона, гдѣ, при Куллоденѣ, былъ разбитъ на голову. Эта, хотя и неудачная, но смѣлая попытка Чарлса Эдуарда покрыла его имя славой и воспѣвается въ Шотландіи въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ. Братъ Чарлса Эдуарда сдѣлался римскимъ кардиналомъ къ великому огорченію претендента. Съ миссъ Уалкинстонъ, отъ которой Чарслъ Эдуардъ имѣлъ дочь, онъ разстался въ 1760 году. Говорятъ, будто эта миссъ была шпіонкой, которыми англійское правительство въ большомъ количествѣ окружало претендента. Дочь отъ

нея, Шарлотту, отецъ желалъ взять къ себѣ, но дѣвочку отняли у него и отдали въ монастырь. Лишенный всякой надежды и утѣшенія, претендентъ опустился и сильно запилъ. Тогда французское правительство обѣщало ему ежегодную пенсію въ 240,000 франковъ, если онъ женится на принцессѣ Луизѣ Штольбергъ. Онъ согласился на это, и первые два года брачной ихъ жизни прошли довольно сносно. Женившись на дѣвушкѣ моложе его на 32 года, веселой, свѣжей, кокетливой, вышедшей за него замужъ безъ любви, которую въ Римѣ прозвали «королевою сердецъ», претендентъ сталъ ревновать ее и еще сильнѣе запилъ съ горя.

Когда Альфіери познакомился съ графиней Альбани, онъ, по собственнымъ его словамъ, понялъ, что это есть истинная и достойная любовь, потому что,—говоритъ онъ,—«вмѣсто того, чтобы встрѣтить въ графинѣ, какъ во всѣхъ обыденныхъ женщинахъ, препятствіе къ литературной славѣ, помѣху въ полезныхъ занятіяхъ и, такъ сказать, ослабленіе творческой мысли, я нашелъ въ ней поддержку и примѣръ во

всѣхъ хорошихъ начинаніяхъ».—«Встрѣтивъ и оцѣнивъ такое сокровище»,—добавляетъ Альфіери,—«я навсегда и всецѣло отдалъ себя ей».

Графъ Альбани ревновалъ жену къ Альфіери, и дѣло кончилось однажды ночью въ 1780 г. величайшимъ скандаломъ и бѣгствомъ графини въ Урсулинскій монастырь въ Римѣ. Здѣсь графиня нашла себѣ покровителя въ лицѣ кардинала, брата своего мужа. Въ маѣ 1781 г. Альфіери свидѣлся съ нею въ Римѣ, и въ жаркую и солнечную римскую весну расцвѣла идиллія ихъ любви. Альфіери считалъ себя особенно обязаннымъ графинѣ за то, что она побуждала его заниматься и вѣрила въ его великую будущность.

Альфіери много путешествовалъ съ графиней Альбани, между прочимъ, жилъ съ ней въ Эльзасѣ, гдѣ опасно заболѣлъ, и куда пріѣзжалъ къ нему его другъ, аббатъ Калузо. Затѣмъ поэтъ проѣхалъ съ графиней въ Парижъ. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ въ своей «Vita»:

«Послѣ четырнадцати и болѣе мѣсяцевъ непрерывнаго пребыванія въ Эльзасѣ со-

вмѣстно съ моей синьорой, я съ нею отправился въ Парижъ, — городъ, который по присущимъ ему и мнѣ свойствамъ, былъ всегда мнѣ въ высшей степени непріятенъ, но на этотъ разъ онъ являлъ собою для меня рай, такъ какъ служилъ мѣстожительствомъ моей возлюбленной. Все же, не зная опредѣленно, какъ долго мы пробудемъ тамъ, я оставилъ на виллѣ въ Эльзасѣ своихъ лошадей, и снабженный только нѣсколькими книгами и всѣми моими сочиненіями, снова очутился въ Парижѣ. На первыхъ порахъ шумъ и зловонье этого хаоса, послѣ столь продолжительной виллежіатуры, очень смутили меня. А то обстоятельство, что квартира моя оказалась далеко отъ квартиры моей синьоры, не говоря уже о тысячи другихъ вещей этого Вавилона, въ высшей степени не понравившихся мнѣ, заставили бы меня очень скоро уѣхать изъ Парижа, еслибъ я жилъ для себя и располагалъ собой. Но такъ какъ этого не было уже въ теченіе долгихъ годовъ, мнѣ съ большимъ огорченіемъ пришлось подчиниться необходимости и я пытался хоть извлечь изъ всего этого какую-либо пользу

для себя и научиться здѣсь чему нибудь. Что касается поэзіи, разъ въ Парижѣ не оказывалось ни одного писателя, маломальски сносно знавшаго итальянскій языкъ, мнѣ нечему было научиться отъ нихъ. Относительно же драматическаго искусства въ общемъ, хотя французы сами себѣ и приписываютъ въ немъ исключительное первенство,—тѣмъ не менѣе, въ виду того, что мои взгляды на драматическое искусство не совпадали съ тѣми, которые проявлялись ихъ авторами трагедій, отъ меня требовалось черезчуръ много хладнокровія и терпѣнія, чтобы выслушивать постоянно преподаваемыя мнѣ учительскимъ тономъ правила, изъ которыхъ многія, быть можетъ, и очень хороши, но сами французскіе писатели ими плохо руководствовались. Впрочемъ, придерживаясь такого метода: по меньше противорѣчить, никогда не спорить, какъ можно больше слушать, всѣхъ выслушивать, и почти никому не довѣрять, — я мало-по-малу научился у этихъ болтуновъ великому искусству молчать.

Это мое болѣе чѣмъ шестимѣсячное пребываніе въ Парижѣ, если ни въ чемъ другомъ,

принесло мнѣ пользу, и даже очень ощутительную, относительно моего здоровья. Въ началѣ іюня мы опять вернулись къ себѣ на виллу въ Эльзасѣ. Но передъ тѣмъ, живя въ Парижѣ, я написалъ стихами трагедію: «Bruto primo» и послѣ очень комичнаго случая мнѣ пришлось всю какъ есть трагедію мою «Софонисбу» переработать вновь. Вздумалъ я прочесть ее французу, котораго зналъ еще въ Туринѣ, гдѣ онъ прожилъ долгіе годы. Это былъ знатокъ драматическаго искусства, и онъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ далъ мнѣ очень дѣльный совѣтъ, когда я ему читалъ трагедію «Filippo», написанную мною французской прозой, а именно: перенести сцену Совѣта изъ четвертаго акта въ третій,—какъ я это и сдѣлалъ,—гдѣ эта сцена умѣстнѣе и не такъ мѣшаетъ ходу дѣйствія, какъ она мѣшала въ четвертомъ актѣ. Итакъ, читая «Софонисбу» компетентному судьѣ, я отожествлялся съ нимъ, сколько могъ, чтобы по выраженію его лица, больше, чѣмъ изъ словъ его, узнать искреннее его мнѣніе о моей пьесѣ. Онъ слушалъ меня съ ничего не выражающимъ видомъ; но я, кото-

рый также слушалъ себя и за двоихъ, съ середины второго дѣйствія сталъ чувствовать, что мною овладѣваетъ какое-то охлажденіе, до того усилившееся въ третьемъ дѣйствіи, что я не былъ въ состояніи дочитать пьесы до конца. И въ не преодолимомъ порывѣ я бросилъ рукопись въ огонь, горѣвшій въ каминѣ, у котораго только двое насъ и сидѣло. Казалось, что этотъ огонь являлся какъ бы молчаливымъ приглашеніемъ мнѣ къ столь строгой и быстрой расправѣ. Мой другъ, изумленный этой неожиданной странностью (такъ какъ я передъ тѣмъ не сказалъ ни единаго слова, изъ котораго можно было бы заключить хоть что либо подобное), бросился къ камину, чтобы спасти мое произведеніе изъ огня, но, со щипцами въ рукахъ, мгновенно схваченными мною, я такъ неистово пригвоздилъ бѣдную «Софонисбу» между двумя или тремя горѣвшими полѣньями, что и ей волей-неволей пришлось горѣть. А я, какъ опытный палачъ, не выпускалъ изъ рукъ щипцовъ, пока не увидѣлъ ее всю охваченную пламенемъ, затѣмъ почернѣвшую и разсыпавшуюся пепломъ въ каминѣ. Этотъ

бѣшенный порывъ былъ роднымъ братомъ того порыва, которымъ я обрушился на бѣднаго Элiа въ Мадридѣ; но я краснѣю за него гораздо меньше, и онъ сослужилъ мнѣ и нѣкоторую службу. Я укрѣпился тогда въ мнѣнiи, уже нѣсколько разъ передъ тѣмъ мелькавшемъ въ моемъ умѣ, относительно сюжета трагедiи «Софонисбы», а именно, что это сюжетъ неблагодарный, предательскiй, на первый взглядъ кажущiйся трагическимъ, но только лишь кажущiйся, а на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и я далъ себѣ слово бросить всякую мысль о «Софонисбѣ». Но такiя намѣренiя авторовъ подобны материнскому гнѣву. Мѣсяца два спустя, мнѣ попалась въ руки несчастная проза казненной Софонисбы. Перечитавъ ее и все-же найдя тамъ кой-что хорошее, я опять переложилъ ее въ стихи и попытался замаскировать и замѣнить стилемъ недостатки, присущiе сюжету. Хотя я зналъ и не сомнѣвался, что «Софонисба» не была и никогда не могла быть перворазрядной трагедiей, тѣмъ не менѣе я не имѣлъ мужества совсѣмъ отказаться отъ написанiя ея, потому что только этотъ сюжетъ давалъ

возможность удобно изложить возвышенныя чувства великихъ Карфагена и Рима; такъ что нѣкоторыми сценами этой слабой трагедіи я очень дорожу.

А тутъ мнѣ показалось какъ разъ своевременнымъ издать полное собраніе моихъ трагедій, и я рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, извлечь эту пользу изъ моего пребыванія въ Парижѣ: выпустить здѣсь хорошее, красивое изданіе, не спѣша и не жалѣя ни расходовъ, ни труда».

И, дѣйствительно, заручившись согласіемъ Бомарше, имѣвшаго въ г. Келѣ превосходно оборудованную типографію спеціально для разныхъ изданій сочиненій Вольтера, Альфіери, которому еженедѣльно оттуда доставлялись корректуры въ Парижъ, напечаталъ тамъ четыре тома, заключающіе въ себѣ его сонеты, канцоны, оды, эпиграммы и всю прозу. Одновременно онъ въ Парижѣ, въ типографіи Дидо, печаталъ собраніе своихъ трагедій.

«Съ апрѣля 1789 г. и далѣе»,—говоритъ поэтъ въ «Vita»,—«я жилъ, терзаемый сильнѣйшей душевной тревогой, вѣчно опасаясь, чтобы какое-либо изъ уличныхъ волне-

ній, проявлявшихся въ Парижѣ ежедневно послѣ созванія генеральныхъ Штатовъ, не помѣшало мнѣ выпустить мои изданія, уже близившіяся къ концу, и чтобы я, послѣ стольких и такихъ чрезмѣрныхъ расходовъ и трудовъ не потерпѣлъ бы крушенія въ виду гавани. Я спѣшилъ, какъ только могъ, но не спѣшили наборщики типографіи Дидо, которые, перерядившись всѣ въ политиковъ и свободныхъ гражданъ, тратили день за днемъ на чтеніе газетъ и сочиненіе законовъ, вмѣсто того, чтобы набирать, исправлять и печатать книги, какъ они это обязались дѣлать. Мнѣ казалось, что я непремѣнно сойду съ ума. И радость моя была безгранична, когда, наконецъ, наступилъ желанный день, и отпечатанныя и упакованныя трагедіи мои, на которыя было положено такъ много трудовъ, оказались разосланными по Италіи и другимъ мѣстностямъ. Но радость моя была не долговременной, такъ какъ кругомъ насъ дѣла шли хуже и хуже, и спокойствіе и безопасность въ этомъ Вавилонѣ ежедневно уменьшались, а сомнѣнія и зловѣщіе призраки будущаго ежедневно увеличивались.

Отупѣвъ отъ безпрерывныхъ—въ теченіе почти года, съ того времени, что я окончилъ свои трагедіи,—сомнѣній и опасеній, я скорѣе прозябалъ, чѣмъ жилъ, и проводилъ дни свои весьма не весело, и послѣ почти трехлѣтняго чтенія корректуръ и исправленій печатавшихся моихъ изданій мозгъ мой какъ-бы оскудѣлъ, и я не умѣлъ и не могъ обратиться къ какому-либо похвальному занятію. Между тѣмъ я получалъ и продолжалъ получать изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣнія о томъ, что мои трагедіи появились въ продажѣ, находятъ хорошій сбытъ и, повидимому, нравятся. Но такъ какъ эти свѣдѣнія доставлялись мнѣ со стороны дружески расположенныхъ ко мнѣ лицъ, я не особенно увлекался ими».

Однако событія во Франціи шли быстро впередъ, и страхъ за безопасность графини Альбани побудилъ Альфіери какъ можно скорѣй уѣхать изъ Парижа.

«Такъ какъ первая и единственная мысль моя», пишетъ онъ въ «Vita»,—«было уберечь отъ опасности мою синьору, я уже съ 12 августа, со всей поспѣшностью занялся приготовленіями къ нашему отъѣзду изъ Парижа. Главное затрудненіе состояло въ

томъ, чтобы достать паспорта для выѣзда изъ Парижа и Франціи. Мы съ такимъ рвеніемъ принялись за дѣло въ эти два или три дня, что уже 15-го или 16-го августа добыли себѣ, какъ иностранцы, паспорта, сперва я отъ венеціанскаго посланника, затѣмъ моя синьора отъ датскаго,— почти единственныхъ посланниковъ еще остававшихся при этомъ призрачномъ королѣ. Съ гораздо большимъ затрудненіемъ получили мы изъ нашей секціи, называвшейся du Montblanc, другіе паспорта на каждаго изъ насъ въ отдѣльности, какъ для синьоры и меня, такъ и для нашихъ слугъ, съ описаніемъ въ паспортахъ всѣхъ примѣтъ, т.-е. роста, пола, цвѣта волосъ, и не знаю еще чего. Снабженные этими рабскими патентами, мы назначили нашъ отъѣздъ на 20-е августа, но побуждаемый предчувствіемъ, оказавшимся вѣрнымъ, я ускорилъ день отъѣзда и мы уѣхали въ субботу, 18-го августа, послѣ обѣда. Когда мы добрались до заставы Blanche — ближайшей къ намъ, такъ какъ мы направлялись по дорогѣ въ Калэ,—мы нашли здѣсь только лишь трехъ или четырехъ національныхъ гвардейцевъ и офицера. Осмо-

трѣвъ паспорта, они уже собирались открыть намъ затворы этой необъятной тюрьмы и выпустить насъ на свободу и въ добрый путь. Но близь заставы находился трактиръ, откуда вдругъ выскочило человѣкъ тридцать бездѣльниковъ изъ черни, неистовыхъ и пьяныхъ. Увидавъ двѣ кареты, нагруженныя чемоданами, и свиту изъ двухъ горничныхъ и трехъ слугъ, буяны принялись кричать, что всѣ богатые хотятъ бѣжать изъ Парижа, увезти съ собой свои сокровища и оставить ихъ въ нуждѣ и нищетѣ. Начались пререканія между немногочисленными, злополучными національными гвардейцами и многочисленными, злополучными буянами; первые—желали отпустить насъ, вторые — задержать. Я выскочилъ изъ кареты прямо въ толпу и махая всѣми семью паспортами громко кричалъ и оралъ,—средство, которымъ всегда можно взять верхъ надъ французами. Одинъ за другимъ принялись они читать и давали читать тѣмъ, кто изъ нихъ умѣлъ, описаніе нашихъ примѣтъ. Охваченный бѣшенствомъ и гнѣвомъ, я, или не сознавая въ ту минуту, или, вслѣдствіе горячности, пренебрегая

неизмѣримой опасностью, грозившей намъ три раза выхватывалъ у крикуновъ мой паспортъ и громкимъ голосомъ заявлялъ: «Смотрите, слушайте; имя мое Альфіери; я итальянецъ, а не французъ; большого роста; худощавый; съ просѣдью; волосы рыжіе; я тотъ самый и есть, посмотрите на меня; имѣю паспортъ; и мы получили его въ узаконенномъ порядкѣ отъ тѣхъ, кто властенъ былъ дать его. Мы желаемъ ѣхать, и, клянусь Богомъ, поѣдемъ». Болѣе получаса длился этотъ фарсъ; я выказывалъ все время величайшую твердость и это насъ спасло. Между тѣмъ вокругъ нашихъ двухъ каретъ собралось еще больше народу, и многіе стали вопить: «Зажжемъ эти экипажи»; другіе кричали: «Разгромимъ ихъ каменьями»; еще другіе орали: «Это бѣглецы, дворяне, богатые, вернемъ ихъ назадъ, отведемъ въ городскую ратушу, и пусть ихъ судятъ». Но, въ концѣ концовъ, слабая помощь четырехъ національныхъ гвардейцевъ, говорившихъ кой-что въ нашу пользу, усиленный шумъ, поднятый мною, мои возраженія голосомъ глашатая, предъявленіе паспортовъ, а больше всего полчаса и болѣе

*

времени, въ теченіе котораго эти обезьяно-тигры устали спорить, — все это ослабило ихъ настойчивость. Гвардейцы сдѣлали мнѣ знакъ сѣсть въ карету, въ которой я оставилъ мою синьору,—легко понять въ какомъ состояніи. Я сѣлъ въ карету, кучера вскочили на козла, заставу открыли и мы выѣхали во весь духъ, сопровождаемые свистками, оскорбленіями и проклятьями этихъ людей. Счастье наше, что насъ не отвели въ городскую ратушу, такъ какъ, пріѣхать туда торжественно, въ двухъ черезчуръ нагруженныхъ каретахъ, запятнанными обвиніемъ въ бѣгствѣ, было, среди этой черни очень рискованно. А еслибъ мы предстали затѣмъ передъ муниципалитетомъ, насъ несомнѣнно не отпустили бы и отправили бы въ тюрьму, а находясь тамъ 2-го сентября, т. е. двѣ недѣли спустя, мы бы раздѣлили участь другихъ арестованныхъ, жестоко убитыхъ въ тотъ день. Избѣжавъ этого ада, черезъ два съ половиною дня мы пріѣхали въ Калэ, предъявляя по дорогѣ разъ сорокъ и болѣе наши паспорта. Впослѣдствіи мы узнали, что были первыми иностранцами, выѣхавшими изъ Парижа и

Франціи послѣ катастрофы 10-го августа. Въ каждомъ муниципалитетѣ намъ приходилось показывать паспорта, а читавшіе ихъ, при первомъ взглядѣ, брошенномъ на нихъ, удивлялись и изумлялись, такъ какъ паспорта были печатные и имя короля вычеркнуто изъ нихъ. Плохо и недостаточно освѣдомленные о томъ, что произошло въ Парижѣ, всѣ были охвачены страхомъ. Изъ Калэ мы переѣхали въ Брюссель, и получили здѣсь письма отъ прислугъ, оставленныхъ нами въ Парижѣ, что именно 20 августа, въ понедѣльникъ, въ тотъ день, когда мы первоначально рѣшили выѣхать, наша секція, та самая, которая выдала намъ паспорта, явилась къ намъ на домъ, чтобы арестовать и отправить въ тюрьму графиню Альбани, спрашивается за что—за то, что она была знатнаго рода, богата и ни въ чемъ не повинна. Мнѣ, который всегда стоилъ куда меньше ея, въ тотъ разъ не была оказана такая честь. Не найдя насъ, они конфисковали нашихъ лошадей, мебель, книги—словомъ все наше имущество. Потомъ запечатали всѣ двери дома и объявили обоихъ насъ эмигрантами. Позже намъ

сообщили и о катастрофѣ и ужасахъ, случившихся въ Парижѣ 2-го сентября, и мы благодарили Провидѣніе и благословляли его за то, что спаслись.

Убѣдившись, что небо той страны все болѣе и болѣе омрачалось, и такъ называемая республика родилась въ террорѣ и крови, мы переправились черезъ Альпы и вступили въ Италію, а 3-го ноября пріѣхали во Флоренцію, откуда больше уже не двигались никуда и гдѣ я снова нашелъ тотъ живой кладъ тосканскаго языка, который вполнѣ вознаградилъ меня за столько потерь всѣхъ родовъ, перенесенныхъ мною во Франціи».

Уѣхавъ изъ Франціи въ 1792 г. Альфіери за послѣднее время вынесъ оттуда, какъ мы видѣли, самыя непріятныя впечатлѣнія и ощущенія, потому что до 1789 года онъ не относился враждебно къ Франціи, а въ послѣдніе годы своей жизни яро сталъ ненавидѣть французовъ. Впрочемъ, сатира его противъ нихъ: «Misogallo» была напечатана только послѣ его смерти. Близкимъ пріятелемъ Альфіери подъ конецъ его жизни былъ живописецъ Франсуа Фабръ, ненави-

дѣвшій французскую революцію, и это послужило ему рекомендаціей для Альфіери.

«Vita» Альфіери. доведена имъ до 14 мая 1803 г., а въ видѣ дополненія къ ней приложено письмо аббата Калузо, въ которомъ онъ сообщаетъ о смерти Альфіери, и передъ тѣмъ очень долго страдавшаго подагрой. Поэтъ изнурялъ себя чрезмѣрными занятіями и плохимъ питаніемъ, полагая что болѣзнь отъ діэты и малаго принятія пищи уменьшится и ему легче будетъ работать головой. 3-го октября, послѣ прогулки въ фаэтонѣ, у Альфіери появился припадокъ сильнаго озноба и желудочной боли. Не думали, однако, что болѣзнь разовьется такъ быстро, и позвали 8-го октября духовника, который, впрочемъ, опоздалъ. Альфіери уже умеръ въ тотъ день. Но другъ Байрона, Гобгузъ, иллюстрировавшій четвертую пѣснь Чайльдъ-Гарольда, разсказываетъ нѣсколько иначе, чѣмъ аббатъ Калузо, кончину поэта и случай съ духовникомъ. По его словамъ, Альфіери сказалъ весьма привѣтливо явившемуся къ нему исповѣднику: «Будьте добры, приходите завтра. Надѣюсь, что смерть захочетъ подождать 24 часа». На

слѣдующій день духовникъ вернулся. Поэтъ сидѣлъ въ креслѣ и сказалъ: «Теперь, думается, мнѣ осталось всего лишь нѣсколько минутъ», и, обратившись къ священнику, попросилъ позвать графиню Альбани. Лишь только эта послѣдняя вошла, поэтъ, протянувъ ей руку, проговорилъ: «Дайте мнѣ руку, дорогой другъ, я умираю». И дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ постели, онъ къ ней прислонился и испустилъ дыханіе. Похороненъ былъ Альфіери въ Санта Кроче. Говоря о великихъ писателяхъ, похороненныхъ тамъ: Микель-Анджело, Маккіавели, Галилеѣ и Альфіери, Байронъ пишетъ:

«These are four minds, which like the elements
«Might furnish forth creation»,

(«Это четыре ума, которые, подобно элементамъ, могли бы создать все созданное»).

И въ другомъ мѣстѣ Байронъ отмѣчаетъ великую любовь итальянцевъ къ этому Bard of Freedom (пѣвцу свободы). Любовь къ нему—если-бъ всѣ остальныя его произведенія и были бы забыты—оставалась бы навсегда живой, хотя бы за одну его «Vita»,

гдѣ онъ на собственномъ примѣрѣ учитъ итальянцевъ нравственному возрожденію.

Графиня Альбани, которой было за сорокъ лѣтъ, когда она познакомилась съ Фабромъ, бывшимъ гораздо моложе ея, послѣ смерти Альфіери, ѣздила съ нимъ, жила съ нимъ въ Парижъ и Неаполь, и оставила ему по завѣщанію все свое имущество. Она умерла въ январѣ 1824 г., спустя 21 годъ послѣ Альфіери. Графиня оплакивала поэта, хотя въ ея горѣ было слишкомъ много риторики. Она издала нѣкоторыя неизданныя его сочиненія и поставила ему памятникъ въ Санта-Кроче. Однако, она не исполнила желаній поэта, завѣщавшаго ей все свое имущество. Даже кольцо съ изображеніемъ Данте, которое онъ никогда не снималъ съ пальца и которое онъ письменно завѣщалъ своему лучшему другу, аббату Калузо, графиня передала Фабру. Тому же Фабру отдала она и всѣ рукописи и книги Альфіери, оставленныя ей поэтомъ съ просьбой распорядиться ими согласно «намѣренію, которое онъ ей высказалъ и которое было одобрено ею». Фабръ въ свою очередь завѣщалъ всѣ кни-

ги и рукописи Альфіери послѣ своей смерти родному своему городу Монпелье, гдѣ эти предметы и до сихъ поръ свято хранятся въ музеѣ имени Фабра. Въ дни итальянскихъ торжествъ въ память Альфіери, по случаю столѣтія со дня его смерти, профессоръ Пелисье, представитель города Монпелье, привезъ въ даръ городу Асти фотографическія копіи съ рукописей и съ каталога книгъ великаго итальянскаго писателя. А что Альфіери предназначалъ свои книги и рукописи Асти, «гдѣ стояла его колыбель», видно изъ извѣстнаго его сонета къ родному его городу:

«Asti, antiqua città, che a me gia desti
La culla,
Quant'ebbi io libri ad insegnarmi presti,
Tanti ten reco,
Né in dono gia, ma in filial tributo.

(Асти, древній городъ, гдѣ стояла моя колыбель, сколько я имѣлъ книгъ, наставлявшихъ меня, всѣ приподнесу тебѣ, не въ подарокъ, а какъ сыновнюю дань).

V.

Альфіери написалъ, какъ извѣстно, 21 трагедію, 6 комедій, около двухъ сотъ сонетовъ, поэму въ четырехъ пѣсняхъ: «L'Etruria vendicata» (Отомщенная Этрурія), канцоны, стансы, 16 сатиръ, эпиграммы, пять одъ: «L'America libera», оду: «Parigi sbastigliato», трактаты: «Del Principe e delle lettere» и «Della Tiranide», переводы въ стихахъ изъ Теренція, Виргилія, и нѣсколькихъ драмъ Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана.

Если трагедіи Альфіери, въ которыхъ нѣтъ выпуклыхъ фигуръ — мужчинъ или женщинъ—и которыя въ свое время славились и ими восхищались, теперь почти забыты, не забыты отдѣльныя строфы изъ нихъ, отдѣльные стихи и выраженія. Изъ всѣхъ итальянскихъ писателей, Альфіери самый лаконичный; стиль его сжатый, сильный. Всѣ его произведенія—восхваленія свободы и какъ бы гимнъ ей. Самъ онъ говоритъ про себя, что единственная высокая его наука—«sola alta scienza»,—состоитъ въ томъ, чтобы: «spregiare schiavi ed aborirre ti-

ranni» (презирать рабовъ и ненавидѣть тирановъ). Какъ бо́льшая часть героевъ трагической его музы и самъ Альфіери родился скорѣй для ненависти, чѣмъ для любви. Всѣ его трагедіи—вѣрнѣе даже лирическія драмы—носятъ печать собственной его личности.

Волшебный звукъ великихъ словъ: свобода, отечество, добродѣтель, слава—быстро увлекли Альфіери, и, хотя отъ природы онъ не былъ склоненъ къ героизму, все же онъ поставилъ себѣ задачей быть героемъ и прославиться. Поощреніемъ должны были служить ему: примѣръ древнихъ, чтеніе Плутарха, писаніе возвышеннымъ языкомъ стиховъ, стремленіе къ самымъ высокимъ цѣлямъ.

Двѣ трагедіи Альфіери «Filippo» и «Polinice» были написаны имъ французской прозой. Но затѣмъ онъ пожелалъ переложить ихъ на итальянскіе стихи. Видя, какъ трудно это ему дается и какъ плохо онъ еще владѣетъ тосканскимъ литературнымъ языкомъ, Альфіери, какъ мы уже говорили, рьяно углубился въ изученіе его. Онъ сталъ внимательно читать и перечитывать Тассо, затѣмъ Аріосто, Данте, Петрарку, и почти

годъ ушелъ у него на эти занятія. Въ слѣдующемъ году онъ погрузился еще въ изученіе латыни, а въ Пизѣ посѣщалъ лекціи наиболѣе знаменитыхъ въ то время профессоровъ съ цѣлью самообразованія. Тутъ же, въ Пизѣ, онъ набросалъ нѣсколько трагедій и перевелъ въ прозѣ «Poetica» Горація. По возвращеніи въ Туринъ, Альфіери принялся писать стихи, затѣмъ сдѣлалъ наброски нѣсколькихъ трагедій: «Oreste», «Agamemnon» и другихъ, при чемъ продолжалъ изучать латинскихъ классиковъ.

Желая вдохнуть любовь къ свободѣ въ заснувшія сердца своихъ согражданъ, Альфіери смотрѣлъ на театръ, какъ на школу, въ которой народъ долженъ научиться быть «свободнымъ, сильнымъ и благороднымъ».

Двѣ отличительныя черты Альфіери — сильное чувство и сильная воля,—и онѣ то и помогли ему сдѣлаться поэтомъ. Величайшей побѣдой силы воли Альфіери было то, что онъ пріучилъ себя къ настойчивому труду, сдѣлалъ изъ литературы всепоглощающее занятіе своей жизни, не упражняясь въ ней, какъ дилетантъ, ради развлеченія, а со всей серьозностью, которую за-

служиваетъ искусство. То, что особенно двигало поэтомъ и побуждало его къ творчеству было, именно, сила чувства.

Самъ Альфіери пишетъ: «Отдавая съ одной стороны дань удивленія чужому знанію, я съ другой стороны не слишкомъ ужасался моимъ незнаніемъ, такъ какъ я убѣдился что для писанія трагедій первое требуемое условіе—сильное чувство, а чувству не научишься».

Свою трагедію: «Congiura dei Pazzi» Альфіери «написалъ въ приступѣ неистовой лихорадки свободы», какъ онъ выражается. Тоже можно сказать и про его «Виргинію». Здѣсь одну изъ выдающихся ролей играетъ Исиліо, женихъ Виргиніи, благородный римлянинъ, въ груди котораго горитъ яркимъ пламенемъ любовь и къ отечеству и къ Виргиніи. Когда клевретъ тирана Аппія, Маркъ, объявляетъ всенародно, будто Виргинія не дочь Нумиторіи, жены Виргиніо, а родилась Марка, рабой и хочетъ вырвать ее изъ объятій матери, на крики двухъ женщинъ сбѣгается народъ и появляется Исиліо. Узнавъ въ чемъ дѣло, Исиліо обращается къ собравшемуся народу и говоритъ

Исиліо

Внемлите словамъ моимъ, римляне; ложныхъ
Я клятвъ никогда не давалъ еще; чести
Своей никогда я не продалъ, не предалъ
Ее никогда; кровь плебейская въ жилахъ
Течетъ моихъ; ею и доблестнымъ сердцемъ
Горжусь я. Такъ слушайте-жъ, къ вамъ
обращаюсь.
Прекрасная, чистая дѣвушка эта
Виргиніо дочь... Всѣ вспыхнули, вижу,
Вы яростнымъ гнѣвомъ при имени этомъ.
За насъ всѣхъ Виргиніо сражается въ
битвахъ,
Межъ тѣмъ—о, позорное время!—безславью,
Безчестью подвергнута дочь его въ Римѣ.
И кто-жъ оскорбитель ея? Выходи же,
Приблизься, о Маркъ! Ты блѣднѣешь, дро-
жишь ты?
Вотъ онъ передъ вами, давно вамъ из-
вѣстный
Послѣдній, презрѣнный рабъ Аппья ти-
рана,
Но воли его исполнитель первѣйшій.
Рабъ Аппья — врага всякой доблести въ
Римѣ,

Гонителя лютаго, злого, что отнялъ
Свободу у васъ и для вящей насмѣшки
Вамъ жизнь оставляетъ...

Возвратившагося изъ военнаго стана отца Виргиніи, Исиліо убѣждаетъ обратиться съ жалобой лишь къ народу и говоритъ:

«Нигдѣ и ни въ комъ не ищи состраданья
«Какъ только въ груди у народа — одинъ
онъ
«Лишь можетъ вернуть дочь отцу, мнѣ —
супругу,
«Себѣ—свою честь и отчизнѣ—свободу.

А когда Виргиніо восклицаетъ: «О если-бъ можно было бы одновременно спасти дочь и не нарушать мира въ отчизнѣ»,—Исиліо перебиваетъ его, говоря:—Молчи, какое ты дерзнулъ произнести имя...

Назвать-ли отчизной страну, гдѣ надъ всѣми
Власть держитъ *одинъ* и ему всѣ покорны?
Пенаты, отечество, честь, наши дѣти,
Свобода—слова намъ столь сладкія—нынѣ
Въ устахъ насъ, рабовъ, непристойны, покуда
Тотъ живъ, кто все это у насъ похищаетъ.
Убійство, насилье, позоръ, оскорбленье

Теперь ужъ зло меньшее—золъ всѣхъ
ужаснѣй
Безмѣрный тотъ страхъ, что сердца
заполняетъ.
До словъ ли, коль робкіе граждане даже
Въ лицо ужъ другъ другу смотрѣть не
дерзаютъ,
И такъ подозрительны, такъ малодушны,
Что сына отецъ и братъ брата боится.
Кто низьменъ—развратенъ; кто честенъ—
запуганъ;
Кто слабъ—въ небреженьи; а храбрый—
зарѣзанъ;
И всѣ опозорены. Жалкій вотъ обликъ
Столь громко прославленныхъ нѣкогда
римлянъ,
Враговъ своихъ—ужасъ, посмѣшище—
нынѣ.

Третья изъ трагедій свободы, написанная Альфіери: «Тимолеоне», (Timoleone)—(первыя двѣ Congiura dei Pazzi—заговоръ безумцевъ, и вторая Виргинія) хоть и уступаетъ въ торжественности и величіи сюжета «Виргиніи», но превосходитъ ее простотой дѣйствія. Единственнымъ двигателемъ этой

трагедіи является только лишь возвышенная страсть къ свободѣ. Тутъ всего четверо дѣйствующихъ лицъ: два брата—Тимолеоне и Тимофане, ихъ мать Демариста, и Экило, другъ обоихъ братьевъ и подъ конецъ убійца тирана Тимофане. Сюжетъ взятъ изъ греческой жизни. Герой трагедіи Тимолеоне—борющійся между любовью къ отечеству и къ брату и прилагающій всѣ усилія, чтобы спасти и отечество и брата — достаточно драматиченъ. Мать держитъ сторону Тимофане, проситъ Тимолеоне помириться съ нимъ и говоритъ:

Демариса.

Склонися къ мольбамъ моимъ; слушай, вѣдь если
Твой братъ имъ уступитъ—всего онъ лишится:
И власти и чести, и, можетъ быть, жизни.
А ты, уступивъ имъ, ничто не теряешь.

Тимолеонъ.

О гнусныя рѣчи! *Ничто* именуешь
Отчизну? *Ничто* мою честь? И ты мать мнѣ?
Боишься, не будетъ онъ живъ, коль тираномъ

Онъ быть перестанетъ? Скажи, неужели
Надѣешься ты, что, оставшись тираномъ,
Останется живъ онъ, что мыслимо это?

Демариса.

О, небо!
Слова твои дышатъ всѣ местью, и къ брату
Жестокъ ты, межъ тѣмъ, какъ твой братъ
преисполненъ
Къ тебѣ весь любовью и хочетъ — отчизна
Жила чтобъ въ тебѣ, въ твоемъ здравомъ
разсудкѣ,
Въ возвышенномъ сердцѣ твоемъ
правосудномъ.
И блескъ тотъ, что далъ ей на бранномъ
ты полѣ
Онъ хочетъ, чтобъ больше и ярче въ дни
мира
Его отъ тебя воспріяла отчизна.
Клялся онъ мнѣ въ томъ.

Тимолеонъ.

И склонила ты душу
Къ рѣчамъ—будь они хоть правдивы, хоть
лживы—
Но все-жъ неизмѣнно преступны. Должна бы

*

Ты, кажется, знать то, что знаютъ и помнятъ
Всѣ граждане Греціи, вѣрные долгу:
Отчизна живетъ лишь въ священныхъ законахъ,
Лишь въ судьяхъ, законамъ однимъ подчиненнымъ,
Въ народѣ; въ ничѣмъ не стѣсненныхъ, согласныхъ,
Народныхъ избраньяхъ; въ всеобщей свободѣ,
Надежной, широкой и истинной, добрыхъ
Всѣхъ гражданъ равняющей. Больше всего же
Отчизна живетъ въ отвращеньи всегдашнемъ
Къ тому, чтобъ *одинъ* всей страною бы правилъ,
Одинъ весь народъ подъ ярмо свое гнулъ бы.

Самой выдающейся и наиболѣе совершенной трагедіей Альфіери считается его «Saul» (Саулъ). Сюжетъ взятъ изъ Библіи. Въ свѣтлыхъ ли своихъ промежуткахъ, или среди ужасныхъ порывовъ омраченнаго ума, побуждаемый ли завистью и подозрѣніями противъ зятя своего Давида, мужа

дочери его Миколъ, раздраженный ли противъ священнослужителей, или проникшись страхомъ передъ Геговой, жестокій ли или сострадательный—Саулъ никогда не является заслуживающимъ презрѣнія или ненависти.

Читая трагедію Маффеи «Merope», Альфіери приходитъ въ негодованіе и гнѣвъ, и тотчасъ же, какъ молнія, у него въ головѣ мелькаетъ другая трагедія на тотъ же сюжетъ и онъ какъ бы насильно долженъ сочинить свою «Merope». «Если кто либо—пишетъ Альфіери,—«могъ бы сказать съ нѣкоторымъ основаніемъ «est Deus in nobis», конечно, и я могъ бы сказать это, когда я задумалъ, набросалъ планъ и написалъ стихами мою «Merope». Тотъ же импульсъ побудилъ меня писать и «Саула» и «Мирру».

На заглавномъ листѣ «Саула», Альфіери начертилъ: «Здѣсь я навсегда сбрасываю съ себя драматическій котурнъ», но, тѣмъ не менѣе, онъ послѣ того написалъ еще три трагедіи: Агида, Софонисбу и Мирру. «Орестомъ» Альфіери особенно восхищался Стендаль. Пріѣхавъ во Флоренцію въ 1811 г. онъ побѣжалъ смотрѣть домъ, въ кото-

ромъ жилъ Альфіери, и его могилу въ Santa Croce. Въ знаменитой своей книгѣ: «Rome, Naples et Florence», появившейся въ 1817 г. онъ пишетъ сестрѣ: «Посылаю тебѣ нѣсколько итальянскихъ стиховъ Альфіери, одного изъ величайшихъ поэтовъ 18-го вѣка». Впослѣдствіи, однако, Стендаль мало по малу охладѣлъ къ Альфіери.

Лучшей изъ комедій написанныхъ Альфіери, но не имѣвшихъ особеннаго успѣха и при жизни поэта, считается «Il Divorzio», гдѣ осмѣивается тогдашній итальянскій обычай чичисбео (cicisbei).

Уже близкій къ смерти поэтъ случайно остановился на двухъ слѣдующихъ строкахъ — послѣднихъ написанныхъ имъ (La Finestrina, дѣйствіе III, явл. 8):

«Ma di il vero, profetasti
Cose, che poi seguissero?

(Скажи правду, пророчествовалъ ли ты событія, которыя потомъ случились?)

Итальянцы не могли не чувствовать волненія узнавъ, что именно это были послѣдніе слова, вышедшія изъ подъ пера Альфіери, который всей своей литературной

дѣятельностью пророчествовалъ и подготовлялъ лучшія времена для Италіи. Самъ онъ писалъ, что про него скажутъ:

«O vate nostro, in pravi
«Secoli nato, eppur create hai queste
«Sublime età che profetando andavi».

(О, поэтъ нашъ, родившійся въ развратномъ вѣкѣ, а между тѣмъ ты создалъ величественный вѣкъ, о которомъ ты пророчествовалъ»).

«Misogallo» Альфіери, вышедшій въ свѣтъ уже послѣ смерти поэта, весь пропитанъ ярой ненавистью къ французамъ. Особенно извѣстенъ оканчивающій его сонетъ и именно слѣдующція строки:

«Giorno verra, tornera giorno in cui
«Redivivi omai gl'Itali staranno
«In campo audaci, e non con ferro altrui
«In vil defesa, ma dei Galli a danno».

(«Прійдетъ день, наступитъ день, когда воскресшіе итальянцы проявятъ смѣлость на поле битвы, не въ низкой защитѣ чужеземцевъ, а на страхъ галламъ»).

VI.

Альфіери не только великій писатель для итальянцевъ, онъ еще болѣе великъ для нихъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, какъ индивидуальность и характеръ. Онъ, между прочимъ, является олицетвореніемъ одного изъ лучшихъ даровъ человѣческой природы – силы воли. И эту силу воли онъ употребилъ не только на личное усовершенствованіе, но и на борьбу во имя свободы со всякаго рода деспотизмомъ. Онъ не только мечталъ о національномъ возрожденіи своей родины, но и содѣйствовалъ этому возрожденію своими произведеніями.

Въ благопріятный моментъ звучала и гремѣла муза Альфіери; она способствовала пробужденію народнаго сознанія, воспламенила въ дремлющихъ сердцахъ любовь къ отечеству, независимости и объединенію. Гдѣ въ итальянской груди загоралась искра любви къ Италіи, подвергнувшейся стольким несчастьямъ и гоненіямъ, невольно взоры обращались къ Альфіери. Не безъ основанія правительство чуяло въ трагедіяхъ Альфіери ѣдкій духъ мятежа. Въ Неаполѣ

представленіе его трагедій было запрещено, въ Австріи,—гдѣ цензура часто искажала лучшія произведенія мѣстныхъ австрійскихъ поэтовъ,—усердно заботились о томъ, чтобы въ покоренныхъ итальянскихъ провинціяхъ молодежь могла бы какъ можно меньше вкушать опасный «ядъ» произведеній Альфіери. Истинное величіе Альфіери, какъ мы уже говорили, состоитъ въ томъ могучемъ вліяніи, которое поэтъ и его произденія имѣли на слѣдовавшія за нимъ поколѣнія, а также и въ томъ политическомъ и литературномъ возрожденіи, которое они вызвали. Произведенія писателя, какъ и поступки всякаго отдѣльнаго человѣка, могутъ и должны быть оцѣнены не только по присущему имъ внутреннему достоинству, но также и по своимъ послѣдствіямъ. Чтобы справедливо судить объ Альфіери, нельзя упустить изъ виду столь лестное—можетъ быть даже слишкомъ лестное—мнѣніе о немъ немедленно слѣдовавшей за нимъ эпохи, получившей отъ него въ наслѣдство его мысль. Смѣлость и сила этой мысли доказываются безконечными жертвами, усиліями, самоотверженіемъ всякаго рода, безкоры-

стнымъ героизмомъ и суровымъ величіемъ, ознаменовавшимъ славный путь итальянской борьбы за свободу и независимость.

Кардуччи говоритъ объ Альфіери, этомъ, послѣ Данте и Николо Маккіавели, «самомъ настоящемъ итальянцѣ среди итальянцевъ»— («il piu italiano degli italiani»), что онъ оставилъ въ наслѣдство Италіи *«страсть»*, а для возрожденія какъ народа, такъ и литературы, въ нѣкоторыя эпохи именно и требуется страсть. По выраженію Кардуччи Альфіери пересоздалъ итальянскую литературу и создалъ итальянскую революцію» («ricreo la literatura italiana e créo la revoluzione italiana»).

Выдающаяся заслуга Альфіери въ томъ именно, что въ условіяхъ, въ которыхъ находилась въ его время Италія, онъ сумѣлъ воспринять возвышенныя мысли, сумѣлъ найти лучшій способъ ихъ распространенія при помощи искусства, и такимъ образомъ сдѣлался иниціаторомъ новой эпохи въ своемъ отечествѣ.

Въ слабый, апатичный вѣкъ, когда литература была лишена всякихъ высокихъ стремленій, когда поэты «Аркадіи» только

и дѣлали, что щебетали свои фантастическія, пастушескія пѣсенки, Витторіо Альфіери боролся изо всѣхъ силъ, чтобы свою индивидуальность держать вдали отъ ничтожныхъ стремленій ничтожнаго современнаго ему общества. Онъ предугадалъ и провозвѣстилъ свободную, объединенную Италію и въ этой Италіи будущаго—видѣніе которой носилось передъ его глазами—онъ надѣялся на то, что народъ научится быть свободнымъ, сильнымъ, великодушнымъ, научится восхищаться добродѣтелью, никогда не допуститъ надъ собой никакого насилія, сумѣетъ любить истинною любовью свое отечество и, хорошо сознавая свои права, во всѣхъ проявленіяхъ страстей своихъ будетъ справедливымъ, пылкимъ, великимъ. О такой Италіи, о такомъ народѣ мечталъ Альфіери, имъ посвятилъ онъ свои произведенія.

И если еще не насталъ прекрасный вѣкъ, который онъ пророчилъ,—если итальянскій народъ еще не таковъ, какимъ Альфіери желалъ его видѣть,—все же круговоротъ столѣтія сумѣлъ создать великую дѣйствительность.

Вмѣсто разбитой на мелкія государства,

осмѣянной, угнетаемой иноземцами страны, онъ возсоздалъ объединенное, независимое, свободное государство.

Пусть даже въ настоящее время итальянцы чаще произносятъ имя Альфіери, чѣмъ читаютъ его произведенія, пусть, съ легкой руки Ломброзо, нѣкоторые изслѣдователи его школы нашли и въ Альфіери черты маттоида и эпилептика, а нѣсколько новѣйшихъ критиковъ, въ томъ числѣ и Бертана, написавшій столь увѣсистый и почтенный трудъ объ Альфіери [1]), отнеслись къ нему крайне строго, какъ къ писателю и человѣку,—тѣмъ не менѣе нравственный обликъ Альфіери не только не померкъ отъ всего этого, а, быть можетъ, выступилъ еще ярче. Какъ художникъ, онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ до того; критика, указавъ на слабыя его стороны, какъ человѣка, превратила его чуть ли не въ героя. Противорѣчія его темперамента, на которыя она указываетъ, не что иное, какъ только признакъ переходнаго времени, къ которому онъ принадлежалъ. А его сила воли и сила

---

1) Emilio Bertana: Vittario Alfieri studiato nella Vita, nel Pensiero e nell'Arte.

чувства—эти двѣ столь присущія ему черты—кажутся намъ теперь еще болѣе необыкновенными, когда мы знаемъ, сколько ему приходилось бороться не только съ внѣшними условіями, но и съ самимъ собой. Не надо также упускать изъ вида далекія времена Альфіери и то обстоятельство, насколько они теперь измѣнились въ Италіи. Лишь тогда предстанетъ въ настоящемъ свѣтѣ весь героизмъ этого аристократа, который отрѣшился отъ предразсудковъ воспитанія, отъ семейныхъ узъ, отъ сословныхъ преградъ, отъ предстоявшей ему впереди блестящей карьеры, и который далъ великій нравственный урокъ упорнымъ воспитаніемъ въ себѣ силы воли и стремленіемъ къ самоусовершенствованію, когда его самого мучилъ неспокойный, пылкій, капризный его темпераментъ. Только такимъ страстнымъ, такимъ громовымъ голосомъ, какимъ обладалъ Альфіери, можно было разбудить заснувшее самосознаніе итальянцевъ и вдохновить ихъ къ дѣйствію и къ борьбѣ съ иноземнымъ игомъ.

Альфіери былъ всегда врагомъ деспотизма. Этому еще больше способствовалъ тог-

дашній режимъ въ Пьемонтѣ, а также и продолжительныя путешествія Альфіери и прочитанныя имъ книги. Онъ родился подданнымъ одного изъ мелкихъ итальянскихъ государствъ, гдѣ, какъ мы уже говорили, безъ позволенія короля, нельзя было ни учиться въ другомъ университетѣ, кромѣ Туринскаго, ни продавать своего имѣнія, ни тратить своихъ денегъ за предѣлами Пьемонта.

И вотъ, первый трепетъ души Альфіери былъ трепетъ свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно придерживался и взгляда, что лучшее воспитательное средство для народа—литература, и что одно изъ самыхъ необходимыхъ качествъ писателя—смѣлость. «Писать—значитъ бороться и бороться съ открытымъ забраломъ, и да будетъ стыдно тому,—говоритъ Альфіери,—кто правды робкій другъ».

Хотя по природѣ Альфіери былъ больше склоненъ къ лирической, чѣмъ къ драматической поэзіи, но онъ писалъ «желѣзныя» трагедіи, считая, что это лучшій путь для распространенія его идей. Въ лирикѣ, особенно въ сонетахъ, онъ, хотя и подражалъ

Петраркѣ, однако представляетъ собою нѣчто больше, чѣмъ выдающагося его подражателя. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ у Альфіери вездѣ на первомъ планѣ возвышенныя мысли объ отечествѣ и свободѣ. Вся новизна лирики Альфіери именно въ этомъ. Она всегда вѣрно отражаетъ если не любовь, то человѣка, или точнѣе идеальный міръ, въ которомъ онъ живетъ. Наибольшее значеніе имѣютъ сонеты Альфіери. Альфіери положилъ начало въ Италіи поэтическому возрожденію, и тотъ элементъ, которымъ онъ обновилъ итальянскую лирику, какъ мы уже говорили, была *страсть*.

Изъ всѣхъ произведеній Альфіери въ настоящее время всего больше читается его «Vita». Теперь воображенію и чувству итальянцевъ говоритъ больше человѣкъ и гражданинъ Альфіери, чѣмъ Альфіери-художникъ. Въ качествѣ художника у него лишь одна выдающаяся черта—эстетика силы. Послѣ Данте и Микель-Анджело никто, подобно Альфіери, не понялъ эстетику силы, или, точнѣе говоря, не употребилъ силу въ видѣ эстетическаго элемента. Но ему, какъ художнику, весьма вредитъ слишкомъ открыто

выраженная тенденція, а также подчиненіе правиламъ единства и мѣста, и обращеніе къ древнимъ. У Альфіери нѣтъ универсальности, нѣтъ непосредственности, онъ не истолкователь всѣхъ душъ, а почти исключительно собственной своей души, или, вѣрнѣе, одной лишь ея части. Ему недостаетъ разнообразія звуковъ, подвижности, фантазіи, градаціи тоновъ, ясныхъ видѣній человѣческихъ страданій, пониманія природы. Поэтому и не удивительно, если произведенія его не трогаютъ итальянскую публику теперь, когда цѣли, къ которымъ онъ стремился, почти достигнуты, и идеалы, которыми питалась его поэзія, уже осуществлены или даже превзойдены.

Съ годами—иначе быть не могло — произведенія Альфіери потеряли свою свѣжесть и интересъ; они потеряли популярность тѣхъ временъ, когда на итальянскихъ патріотическихъ театрахъ, особенно въ Миланѣ и Болоньи, нѣкоторыя трагедіи Альфіери вызывали бѣшеные аплодисменты, когда поэту-гражданину ставили бюсты, декретировали медали, и стихи изъ его трагедій съ величайшимъ рвеніемъ декламиро-

вали даже ремесленники — портные, хлѣбопеки и т. д. Въ Пьемонтѣ во время правленія Витторіо Эммануила I нужны были большія усилія, чтобы вырвать у полиціи позволеніе давать на сценѣ даже наименѣе подозрительныя изъ трагедій Альфіери, такъ какъ цензура ихъ запрещала и преслѣдовала. Въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху пробужденія итальянской совѣсти, предсказанной Альфіери, слава его достигла своего апогея.

Если Альфіери и не основалъ настоящей поэтической школы, то вліяніе его ясно сказалось въ изобиліи трагедій въ первое тридцатилѣтіе XIX вѣка не только въ Италіи, но и за ея предѣлами. Однако и тогда уже не столько цѣнилось литературно-художественное значеніе Альфіери, сколько именно то политическое вліяніе, которое произведенія его оказывали на слѣдовавшія за нимъ поколѣнія. Боевая его отвага, его понятіе о возвышенномъ долгѣ писателя-гражданина и тогда уже ставились выше, чѣмъ его умъ и талантъ.

Полтора вѣка тому назадъ, когда еще никто въ Италіи не мечталъ о свободѣ мысли и дѣйствія, Альфіери одинъ реагиро-

валъ противъ всякаго гнета, противъ подобострастія и низкопоклонства. Еще болѣе близокъ онъ къ нашимъ временамъ, когда его глубокая и напряженная любовь къ политической и индивидуальной свободѣ внушаетъ ему ненависть къ милитаризму. Онъ настоящій предвозвѣстникъ теперешнихъ дней, когда мы открыто и безстрашно можемъ проповѣдывать любовь къ всеобщему миру и можемъ бороться противъ милитаризма. Никому во времена Альфіери, кромѣ него, не пришло, напр., въ голову бранить Фридриха Великаго за то, что онъ обратилъ Германію въ «большую казарму».

Въ 1903 г. происходило въ Италіи торжественное чествованіе памяти Витторіо Альфіери по случаю столѣтія, исполнившагося со дня его смерти (8 октября 1803 г.). Чествовать столѣтіе со дня его рожденія (16 января 1749 г.) не позволили тогдашнія политическія обстоятельства и условія страны. Но то, что нельзя было сдѣлать полвѣка тому назадъ, было сдѣлано теперь.

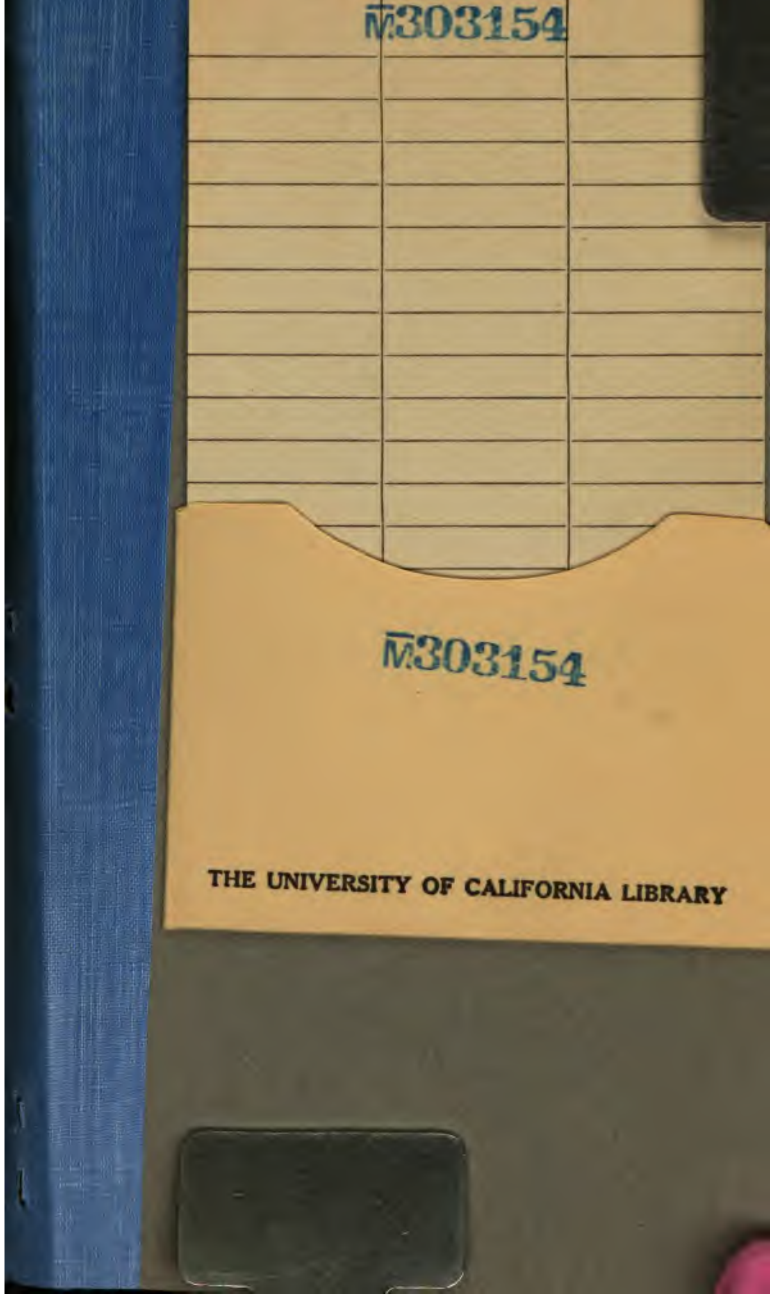
Асти, гдѣ Альфіери родился, Туринъ, гдѣ онъ воспитывался, и Флоренція, гдѣ онъ

провелъ послѣдніе годы своей жизни и гдѣ онъ похороненъ, особенно торжественно чествовали память оригинальнаго и сильнаго писателя, который такъ сурово бичевалъ Италію въ годы ея безпечной и дремотной лѣни, который властнымъ и громовымъ голосомъ пробудилъ ее отъ сна, подвинулъ на борьбу съ иноземнымъ игомъ и зажегъ въ ней любовь къ независимости и свободѣ. Въ память Альфіери были выбиты теперь въ Асти медали, выпущены спеціальныя изданія, трагедіи его при участіи Томмазо Сальвини были поставлены въ театрахъ, города были иллюминованы, всѣ учащіеся распущены на двѣ недѣли—съ 8 по 22 октября, чтобы и они могли принять участіе въ торжественномъ чествованіи того, кого Италія считаетъ, послѣ Данте, первымъ своимъ національнымъ поэтомъ. На торжествахъ въ честь Альфіери присутствовали офиціальные представители всѣхъ итальянскихъ городовъ, представители правительства, министръ народнаго просвѣщенія, представители отъ сената и отъ палаты депутатовъ.

Чествуя память Альфіери по поводу сто-

лѣтія со дня смерти великаго писателя, въ Италіи не только чествовали и превозносили самого Витторіо Альфіери, но съ почтительной любовью вспоминали также и энтузіазмъ того поколѣнія, которое такъ сильно восхищалось имъ, въ его трагедіяхъ слышало призывъ къ свободѣ и видѣло въ немъ провозвѣстника идеи гражданственности, поэта, пробудившаго національную совѣсть.

Торжественные дни посвященные Альфіери, и отпразднованные въ Италіи, прошли, отзвучали краснорѣчивыя рѣчи и всѣ временныя формы чествованія его памяти, но останется во всемъ своемъ значеніи то, что составляетъ элементъ вѣчиой силы въ произведеніяхъ искусства — мысль и поэзія. Слава Альфіери, въ смыслѣ поэта-гражданина, жива и будетъ вѣчно жить въ Италіи.

M303154
M303154
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY